

Туркестанскій Вѣстникъ
1879. № 24.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Городъ Карши.

(Очеркъ).

Въ началѣ іюня минувшаго года, небольшая кавалькада порядочно-усталыхъ всадниковъ медленно поднималась въ гору, по крутому склону ущелья, ведущаго на Тахта-карачинскій перевалъ—прямой путь изъ Самарканда въ Шахрисябзъ. Бѣлые кителя русскихъ офицеровъ рѣзко отдѣлялись отъ пестрыхъ халатовъ сопровождавшихъ кавалькаду туземцевъ. Бухарцы уже послали впередъ нѣсколькихъ почетныхъ людей—привѣтствовать вступающее въ предѣлы ханства русское посольство; обычные вопросы: о здоровьѣ Бѣлаго Царя, генералъ-губернатора (ярымъ-падша) и губернатора были сдѣланы. Съ своей стороны посольство освѣдомилось съ большимъ участіемъ о здоровьѣ Дженоби-Али (его высокостепенства, т. е. эмира бухарскаго) и всего его семейства. Изъ дальнѣйшихъ распросовъ оказалось, что Дженоби-Али давно уже выѣхалъ изъ Бухары въ Шахрисябзъ, но по дорогѣ остался на нѣкоторое время въ Карши, своимъ любимомъ городѣ, гдѣ онъ долгое время былъ бекомъ, еще при жизни отца своего, Насруллы. „Когда же выѣдетъ эмиръ изъ Карши, далѣе?“—„Богъ знаетъ, одинъ Богъ знаетъ“, съ благоговѣйнымъ трепетомъ отвѣчали бухарцы. И дѣйствительно, это могъ знать только одинъ Аллахъ и Магометъ—пророкъ его. Сунуться съ такимъ вопросомъ къ эмиру, значило рисковать получить на такой нескромный вопросъ весьма чувствительный отвѣтъ, въ родѣ сотни палочныхъ ударовъ, или чего-нибудь подобнаго.

Насущные, интересовавшіе посольство вопросы были сдѣланы, и затѣмъ оставалось только обмѣниваться любезностями, на что бухарцы великіе мастера. Вѣковое приви-

женное положеніе бухарскаго чиновнаго люда, надъ которымъ вѣчно виситъ Дамокловъ мечъ—необузданная воля эмира, выучило его отлично хитрить и лукавить. У хорошо воспитаннаго бухарца всегда на лицѣ либо сладкая, заискивающая улыбка, либо ничѣмъ ненарушимое, ледяное спокойствіе. Последнее впрочемъ встрѣчается гораздо рѣже. Типъ перваго можно было видѣть, напримѣръ, въ лицѣ бывшаго бухарскаго посланца въ Ташкентѣ, Гиссамет-дина-токсабы. Онъ всѣхъ встрѣчалъ съ самою любезною улыбкою, прижималъ руки къ сердцу и, подъ прикрытіемъ этой медоточивой наружности, превосходно хитрилъ и обдѣлывалъ свои дѣла. Теперь онъ въ опалѣ у эмира.

А подъемъ на перевалъ дѣлался все круче и круче. Ручей Джиланъ-булакъ журчалъ гдѣ-то далеко внизу, у подошвы высоко поднимавшихся надъ нимъ, скалистыхъ горъ. Наконецъ не стало слышно и ручейка. Дорога повернула вправо, огибая громадныя гранитныя глыбы, точно набросанныя здѣсь рукою какого-то великана. Изъ подъ этихъ глыбъ мѣстами сочились ручейки, обозначаясь на обожженной солнцемъ растительности пятнами свѣжей, сочной зелени. Выше, по скатамъ горъ, обрисовывались густые, темнозеленые кусты: это была арча (древовидный можжевельникъ), единственное хвойное растеніе здѣшнихъ горъ.

Здѣсь проводники посоветовали намъ сойти съ лошадей и взобраться на самый перевалъ пѣшкомъ. Плохо привычныя къ горнымъ дорогамъ лошади легко могли оступиться на гладкихъ, точно отшлифованныхъ, гранитныхъ плитахъ, составлявшихъ самую вершину, или лучше сказать—сѣдловину Тахта-карачинскаго перевала.

Когда этимъ переваломъ проѣзжалъ Алій (такъ говоритъ мѣстное преданіе), то онъ остановился здѣсь отдохнуть; на этомъ основаніи каждый благочестивый мусульманинъ считаетъ непремѣннымъ долгомъ отдохнуть, хоть нѣсколько минутъ, на перевалѣ. И мы также последовали примѣру Алія; но какъ кяфиры, употребили время отдыха чтобъ подкрѣпить легкимъ завтракомъ свои силы, утомленные пятичасовой верховой ѣздой. Нѣтъ сомнѣнія, что кости Алія содрога-

лись въ мойилѣ, когда отдыхающіе кяфіры передавали изъ рукъ въ руки, хорошо знакомую многимъ, оплетенную фляжку.

Лошади стояли, понутивъ головы, тщетно пытались отыскать между раскаленными плитами хоть одну незасохшую отъ безводья былинку. Казаки пожевывали сухарики, взятые про запасъ еще изъ Самарканда; кое-кто дремалъ, прикорнувъ въ тѣни, подъ навѣсомъ скалы. Солнце палило невыносимо. Здѣсь, на раскаленныхъ, гранитныхъ плитахъ зной былъ еще утомительнѣе. Иногда изъ ущелья вырывался свѣжій вѣтерокъ, обхватывалъ насъ на минуту смолистымъ запахомъ арчевыхъ порослей, и вдругъ стихалъ, точно спохватившись, что не туда онъ забѣжалъ. Дѣйствительно, скудная растительность, выглядывавшая мѣстами изъ подъ камней, вовсе не нуждается въ освѣжающемъ вѣтеркѣ. Это—дѣти зноя, выросшіе при обстановкѣ, повидимому способной умертвить всякій зародышъ жизни. И однако же колючіе, густо усаженные бѣлыми иглами кусты шиповника, приземистый репейникъ, какой-то видъ василька (*Sentaurea*) и гвоздички (*Dianthus*) ухитряются пробуравить своими деревянистыми корешками сухую, какъ кирпичъ, землю, и живутъ—Богъ вѣсть чѣмъ и какъ. Да это еще куда ни шло! Въ азійскихъ степяхъ растутъ какіе-то сочные, красновато-зеленые кустики, на сыпучемъ пескѣ, раскаленномъ до 50° R.

Въ противоположность сухой, сѣро-желтой, мѣстами черной, точно обугленной землѣ, надъ нами разстилалось небо, густого темно-синяго цвѣта. Такое небо можно видѣть только въ прозрачномъ горномъ воздухѣ, да и то не всегда. Пройдемте нѣсколько шаговъ далѣе, внизъ по ущелью. Одинъ поворотъ—и картина измѣняется. Бурья, мѣстами точно обугленные, крутые скалы раздвинулись, и вдали, точно въ рамкѣ изъ скалъ, видна часть шахрисабзской долины. Видны и зелень садовъ, и свѣтлая лентя Кашка-дарьи, и далекія гиссарскія горы. Но все это подернуто, точно дымкою, голубоватымъ, прозрачнымъ туманомъ. Отрадная картина мелькнула только на минуту. Опять поворотъ, и снова скалы выросли передъ глазами. Дорога круто спускается внизъ, по карнизамъ и осыпямъ. Весь нашъ поѣздъ растянулся гуськомъ.

Одна вьючная лошадь споткнулась и упала, сбивъ при этомъ съ ногъ и казака, который велъ ее въ поводу. На горе, именно у этого казака, за плечами, на подобіе ружья, былъ барометръ въ деревянномъ футлярѣ; съ барометромъ, конечно, намъ пришлось проститься, и дальнѣйшія барометрическія наблюденія производить посредствомъ anerоида. Еще чья-то лошадь упала, но оборачиваться и обращать вниманіе на это приключеніе—некогда: мы подъѣзжаемъ къ самому трудному мѣсту спуска. Лошади ваши почти присѣдаютъ на заднія ноги, пугливо смотрятъ по сторонамъ и осторожно, покачиваясь всѣмъ туловищемъ, ступаютъ впередъ, почти ползутъ по осыпи.

Вотъ, слава Богу, дорога одѣлалась шире и уже не такъ извилиста; бухарскіе джигиты обрадовались этому и во весь карьеръ понеслись по карнизу впередъ. Имъ надо раньше насъ прибыть въ мѣсто нашего привала, кишлакъ Куйтанъ, извѣстить аксакала о нашемъ скоромъ прибытіи, разостлать ковры, и т. п., распорядиться достарханомъ... Мало ли заботы!

Не будемъ описывать дорогу далѣе; пройдемъ молчаніемъ и ночлегъ нашъ въ Куйтанѣ. Невзрачный горный кишлачишко въ лощинѣ, обставленной отовсюду горами, не представляетъ ничего замѣчательнаго. Зато мы здѣсь вкусили отъ плодовъ благословеннаго Шахрисябза, „зеленаго города“ (Шааръ-сабзъ). И дѣйствительно, если взглянуть издали на Шахрисябзъ, т. е. на города Шааръ и Китабъ, то они представляются одной сплошной зеленой стѣною, изъ которой мѣстами выдвигаются верхушки пирамидальныхъ тополей и густые, темнозеленые шарообразные карагачи (сада-карагачъ). Между сплошной зеленью можно различить выдающуюся, узорчатую (изъ разноцвѣтныхъ кирпичей) руину. Это Акъ-сарай, бывшій дворецъ Тимура, хромаго Тимура, какъ называли его персидскія лѣтописи и какъ онъ, конечно, никогда самъ себя не называлъ. У насъ изъ прозвища Тимуръ-ленгъ передѣлали имя Тамерланъ, но лѣтописи наши гораздо правильнѣе называютъ его «железнымъ хромцомъ».

Я не сказалъ, что поѣздъ нашъ состоялъ изъ камергера П. П. Каблукова, главы посольства, отправленнаго къ эмиру Бухары, и

состоявшихъ при посольствѣ: подполковника Войцеховича, адъютанта командующаго войсками округа, маіора Колесникова, В. В. Польшана и переводчика Г. А. Чанышева. Къ этому же посольству пристроились: отправлявшійся для изслѣдованія Аму-дарьи шт.-кап. Быковъ, и я, имѣвшій порученіе осмотрѣть и изучить боковые пути, соединяющіе двѣ важныя дороги, ведущія на Аму-дарью изъ Гузара: путь гузаро-ширъ-абадскій и путь гузаро-келифскій.

Горная, живописная мѣстность, которую мнѣ было поручено осмотрѣть и изучить, составляла для всего ученаго міра совершенную terra incognita, чѣмъ до 1875 года, т. е. до моей поѣздки въ Гиссаръ, Балъджуанъ и Кулябъ, былъ и весь, такъ называемый, гиссарскій край. На нашихъ картахъ являлись фантастическіе города, въ родѣ Габзана, Чашма и другихъ. Теченіе рѣкъ рисовалось не менѣе фантастически. Наши географы сомнѣвались въ существованіи рѣки Сурхана и спорили: какой городъ слѣдуетъ считать главнымъ въ гиссарскомъ краѣ: Денау, Гиссаръ или Душамбе? А между тѣмъ эта, невѣдомая для насъ, страна лежала, такъ сказать, въ двухъ шагахъ отъ Самарканда и сосѣдняго съ нашими владѣніями Шахрисябза. Благодаря частымъ поѣздкамъ русскихъ туристовъ и дипломатическихъ агентовъ, Шахрисябзъ въ послѣднее время вышелъ изъ неизвѣстности. Поѣздки въ эту родину Тимура, въ „шааръ-сабзъ“, т. е. „зеленый городъ“, сдѣлались дѣломъ обычнымъ. А гиссарскій край отдѣленъ отъ Шахрисябза только однимъ хребтомъ, правда массивнымъ и внушительнымъ, но проходимымъ во многихъ мѣстахъ. Эти ущелья, гиссарскіе проходы, неотразимо манили меня къ себѣ еще въ 1874 году, когда я проѣзжалъ по Шахрисябзу, изъ Шаара, любимаго города Тимура, въ Карши. Но тогда была глухая осень—конецъ октября; снѣгъ лежалъ на крутыхъ скатахъ гиссарскихъ горъ и о поѣздкѣ туда нечего было и думать! Тогда же рѣшилъ я, во что бы то ни стало, побывать въ будущемъ году въ западномъ Гиссарѣ.

Отправляя П. И. Каблукова посломъ къ эмиру, Генералъ-Губернаторъ предложилъ мнѣ и шт.-кап. Быкову ѣхать вмѣстѣ съ посольствомъ насколько будетъ возможно. И намъ, и П. П. Каблукъ, надобно было прежде всего увидѣться съ эмиромъ. Намъ это было необходимо для того, чтобы получить отъ эмира разрѣшеніе безпрепятственно путешествовать въ его приамударьинскихъ владѣніяхъ, куда до насъ не проникалъ еще ни одинъ европеецъ. Эмира же, по всѣмъ расчетамъ, мы могли встрѣтить или въ Карши или въ одномъ изъ городовъ Шахрисябза, такъ какъ извѣстно было, что эмиръ Музаффаръ, по обыкновенію, выѣхалъ съ наступленіемъ весны изъ душной Бухары въ прохладный, зеленый Шахрисябзъ.

Присоединяясь къ посольству, мы руководились также и расчетомъ; въ Азіи все основано на подаркахъ, которыми можно выразить все, что угодно: и дружбу, и любовь, и уваженіе. Подарки вещами, одеждою и деньгами принимаются азіятцами, какъ нѣчто должное, узаконенное обычаемъ. Получить отъ хорошаго знакомаго подарокъ въ Азіи такъ же естественно, какъ у насъ получить отъ знакомаго поклонъ. Поэтому отправляющійся путешествовать по Средней Азіи неминуемо долженъ запастись разными болѣе или менѣе цѣнными вещами, а главное — халатами, чтобы „отдаривать“ ими за получаемые подарки. Не принять подарка—невозможно; это значитъ нанести кровную обиду. А принять подарокъ и въ свою очередь не подарить ничего—тоже неловко. И вотъ приходится туристу, волей-неволею, увеличивать свой багажъ разными серебряными вещами, тюками халатовъ, и т. п. Хотя у насъ и былъ съ собою значительный запасъ подарковъ, но.... Богъ вѣсть сколько важныхъ лицъ, которымъ необходимо будетъ вручить подарокъ, придется намъ встрѣтить въ нашемъ дальнемъ пути. А не хватить подарковъ—негдѣ будетъ ихъ взять; не посылать же за ними въ Ташкентъ или Самаркандъ! Поэтому, пристроившись къ посольству,

мы въ то же время избавились отъ необходимости давать подарки до самой встрѣчи съ эмиромъ: за всѣхъ насъ отдаривался нашъ посолъ, какъ старшій во всей нашей миссии. Такимъ образомъ въ нашихъ тюкахъ остались, про запасъ, подарки, предназначавшіеся вначалѣ бекамъ Китаба, Шаара, Чиракчи, Карши, а также и подарки для сына эмира, бека г. Кермине. Все это намъ очень пригодилось впоследствии.

Я упоминаю всѣ эти скучныя подробности для того, чтобы показать, какъ обстоитъ всякая поѣздка по Средней Азіи.

Дорогу отъ Шахрисабза до Карши, откуда уже собственно началось путешествіе мое, я опишу только въ общихъ чертахъ, какъ уже достаточно извѣстную. Но прежде — нѣсколько географическихъ подробностей о самой мѣстности, занимаемой долиною Зеравшана, знаменитымъ по своему плодородію Міанкаломъ, не менѣе цвѣтущею и плодородною шахрисабзскою долиною и наконецъ — такъ называемымъ гиссарскимъ краемъ, или вѣрнѣе — широкимъ побережьемъ Амударьи, между этою классическою рѣкою и высокимъ гиссарскимъ краемъ. Назвать это побережье „гиссарскимъ краемъ“ будетъ не совсѣмъ вѣрно, потому что, кромѣ города Гиссара (*Хиссари-шадманъ*, т. е. „радостный Гиссаръ“), здѣсь еще много другихъ городовъ, не уступающихъ ему ни по величинѣ, ни по значенію. Таковы города: Денау, Юрчи, Регаръ, Душамбе, Курганъ-тюбе, Кобадіанъ и Ширъ абадъ.

Итакъ — обратимся къ бѣглому орографическому обзору крайнихъ, западныхъ, притянь-шанскихъ долинъ.

Громадный массивъ Небесныхъ горъ или Тянь-Шана достигаетъ полнаго своего величія, всей своей грандіозной массивности, почти на меридіанѣ озера Иссыкъ-куля. Здѣсь, къ востоку отъ озера, возвышается Ханъ-Тенгри, величайшая точка Тянь-Шана. Далѣе къ западу Тянь-Шанъ понижается, хотя все еще переходитъ снѣговую линію (11.000 ф.). На самой западной око-

нечности своей, Тянь-Шанъ развѣтвляется вѣрообразно, образуя такимъ образомъ широкія и плодородныя, открытыя съ запада, долины. Это долины: 1) ферганская (бассейнъ Сыръ-дарьи) съ ея непосредственнымъ продолженіемъ—округами городовъ: Ходжента, Ташкента и Чимкента; 2) зеравшанская долина (бассейнъ р. Зеравшана) съ городами: Самаркандомъ, Пенджакентомъ, Катта-курганомъ, Зіаутдиномъ и Кермине (*); 3) шахрисябзская долина (бассейнъ р. Кашка-дарьи) съ городами: Китабомъ, Шааромъ, Яккобакомъ и Чиракчи; 4) ширъ-абадская, весьма узкая долина, съ городомъ Ширъ-абадомъ, и наконецъ 5) гиссарская (долина рѣкъ Сурхана и Кафирнагана), съ городами: Гиссаромъ, Денау, Юрчи, Каратагъ, Регаръ, Кафирнаганъ, Душамбе и Кобадіанъ. Эта плодородная, богато орошенная долина, съ превосходнымъ климатомъ и тучною почвою, раздѣляется на двѣ части меридіанальнымъ хребтомъ Баба-тагъ, отдѣляющимъ бассейнъ р. Сурхана отъ бассейна Кафирнагана.

Крайніе западные отроги Тянь-Шана оканчиваются: Кара-тау близъ Джулека; нуратинскія горы—близъ г. Нурата; туркестанскій хребетъ — приблизительно на меридіанѣ г. Кермине. Только гиссарскій хребетъ идетъ до самаго берега Аму, къ Келифу и Керки, отрѣзывая такимъ образомъ отъ остальныхъ частей бухарскаго ханства всю при-аму-дарьинскую его часть, заключающую въ себѣ бекства: ширъ-абадское, байсунское, денауское, юрчинское, гиссарское, кобадіанское, курганъ - тюбинское, кулябское и бальджуанское.

Изъ долины Шахрисябза въ гиссарскій край (будемъ такъ называть всю при-амударьинскую часть бухарскаго ханства) ведутъ три главные пути: 1) чрезъ г.г. Гузаръ, Дербентъ и Ширъ-абадъ; 2) чрезъ Джаръ-тюбе (Яръ-тюбе), на Калтаминаръ, Дербентъ и далѣе, и 3) чрезъ Яккобакъ, ташъ - курганскимъ и сенгъ-гардакскимъ (Сенгри-дагъ) ущельемъ на Юрчи или Сары-джуй и въ долину Сурхана. Послѣдній путь самый трудный и посѣщенъ былъ въ первый разъ въ минувшемъ году В. Ф. Ошанинымъ, М. И. Невѣскимъ и топографомъ поручикомъ Родіоновымъ. Въ томъ же году, мѣсяцемъ позже, мнѣ также удалось проѣхать по немъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

Муркестанскій Вѣдомосць
1879, № 25.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Городъ Карши.

(Очеркъ).

(Окончаніе) (*).

Мы быстро проѣхали Шахрисябзъ, миновали города: Китабъ, Шааръ и Чиракчи, гдѣ приходилось останавливаться, любезничать съ беками, дарить и принимать подарки..... 1 мая мы были уже въ Карши, куда незадолго передъ тѣмъ пріѣхалъ эмиръ.

Карши—второй, по величинѣ и по значенію своему, городъ бухарскаго ханства. Значеніемъ своимъ онъ обязанъ чрезвычайно выгодному своему положенію, на перепутьѣ почти всѣхъ дорогъ, ведущихъ въ Бухару. Дѣйствительно, здѣсь сходятся дороги: изъ Чарджуя и земли аму-дарьинскихъ туркменъ, изъ Авганистана, а слѣдовательно изъ Индіи, а съ занятіемъ русскими Самарканда, Карши оказался также на перепутьѣ единственнаго пути, ведущаго изъ Шахрисябза въ Бухару. Наконецъ чрезъ Карши Бухара соединяется и съ своими гиссарскими владѣніями. Такое выгодное положеніе Карши придало ему важное торговое значеніе, особенно для туркменскихъ и узбекскихъ кочевниковъ, для которыхъ онъ представляетъ важный торговый рынокъ. Сюда привозятъ они на продажу свои издѣлія: сѣдла, попоны, ковры, паласы, кошмы, пригоняютъ лошадей и барановъ. Сюда же привозятся изъ Гиссара сабли, ножи, алача (**), соль изъ горъ (близъ Куйтана), чай изъ Индіи, лекарства изъ Персіи, Индіи и Кабула.

Казалось бы, что при такомъ счастливомъ торговомъ положеніи, городъ Карши долженъ былъ отличатся паружнымъ блескомъ, роскошью и богатствомъ. Но такъ можетъ думать только тотъ, кто не знаетъ Средней Азіи. Здѣсь зачастую богачъ—про котораго и знаютъ всѣ, что онъ человѣкъ богатый—ходитъ въ самомъ простомъ, синемъ халатѣ, съ открытой, загорѣлой грудью, въ самой простой, дешевой чалмѣ, или и вовсе безъ нея, въ одной тюбетейкѣ. Вся обстановка его домашней жизни также проста и незатѣйлива. Эта умеренность въ жизненныхъ потребностяхъ, вытекающая вовсе не изъ скупости, составляетъ одну изъ хорошихъ сторонъ азіатскаго строя жизни. Каковы люди въ Средней Азіи, таковы же и созданія ихъ, города. На нихъ не могутъ не отражаться черты народнаго характера.

Карши—самый обыкновенный, крайне невзрачный съ виду, азіатскій городъ; пыльные, глиняные заборы тянутся по обѣ стороны узкой улицы, прерываясь стѣнами (но не фасадами) домовъ. Рѣдко-рѣдко увидите вы въ этой стѣнѣ дома окно на значительной вышинѣ отъ улицы. Заглянуть въ такое окно нѣтъ возможности, даже взгромоздившись на горбъ самага высокаго верблюда, *нара* (***) ; стало бытъ нѣтъ опасности, что кто-нибудь чужой заглянетъ въ домашнюю жизнь обитателя этого дома, чего азіятецъ остерегается пуще огня. Вотъ въ калитку можно взглянуть проѣздомъ, но и тутъ немного увидишь. Обрисуется передъ глазами другая, противоположная стѣна двора, такая же сѣрая и глиняная, или навѣсь, замѣняющій конюшню. Ребятишки, любопытные какъ и вездѣ, тѣснятся въ калиткѣ, поглядывая съ удивленіемъ на проѣзжающихъ. Между ними и дѣвочки, съ двумя длинными черными косами, съ бѣлой повязкой на головѣ, и мальчики въ длинной матовой рубашкѣ, когда-то бывшей бѣлою, а теперь мало отличающеюся цвѣтомъ отъ глиняной стѣны. Ребятишки 2—3 лѣтъ, совершенно голые, тѣснятся тутъ же. Взрослые выглядываютъ изъ-за-заборовъ или съ крышъ домовъ. Крыши во всей Средней

Азіи почти плоскія, съ самымъ легкимъ на-
клономъ, и тоже глиняныя, т. е. покрыты
камышемъ и обмазаны сверху глиною.
Встрѣчные пѣшеходы жмутся къ стѣнѣ,
оглядывая насъ, проѣзжающихъ людной ка-
валькадой, равнодушнымъ, но далеко не
враждебнымъ взглядомъ. Въ простомъ на-
родѣ нѣтъ фанатической нетерпимости къ
иноземцамъ *кяфирамъ*, т. е. невѣрнымъ.
Дѣти даже зачастую выбѣгали къ намъ,
чуть не подъ копыта лошадей, съ привѣт-
ственнымъ крикомъ: „*хоишъ - кильды, хоишъ-
кильды!*“ (добро пожаловать). Только встрѣч-
ныя женщины, закрытыя съ ногъ до головы,
при встрѣчѣ съ нами, изъ скромности, от-
ворачиваются лицомъ къ стѣнѣ, хотя и
безъ того мы, при самомъ пытливомъ лю-
бопытствѣ, не могли бы разобрать, кто пе-
редъ нами: молоденькая женщина или по-
жилая старуха. Какъ тѣ, такъ и другія одѣ-
ваются вполне однообразно; на каждой па-

(*) См. Турк. Вѣд. № 24.

(**) Полушелковая матерія; полосатая гиссарская
алача славится въ Бухарѣ.

(***) *Наръ*—бухарскій, одногорбый верблюдъ; онъ
отличается силой и потому цѣнится дороже двугор-
баго верблюда.

брошенъ на голову (и непременно на го-
лову, а никакъ не на плечи) халатъ (*царенд-
жа*) изъ синей, самой простой, бумажной
матеріи, съ длинными рукавами, очень уз-
кими на концѣ. Такъ какъ этотъ халатъ
никогда не надѣвается въ рукава, то они
и сшиваются вмѣстѣ, спускаясь по спинѣ
до земли. Лицо закрыто плотной сѣткой,
которую женщина придерживаетъ рукою,
чтобы какънибудь, невзначай, не отпахну-
ло вѣтромъ эту сѣтку (*цаишъ-банъ*); той же
рукой она, сквозь небольшіе прорѣзы, при-
держиваетъ полы накинутаго на голову ха-
лата, а въ другой—или несетъ чтонибудь,
или просто опирается на палку, хотя бы
надобности въ этой опорѣ и вовсе не имѣ-
лось. Одѣться какъ можно бѣднѣе и про-
ще, представляться для посторонняго чело-
вѣка старухой, считается въ Средней Азіи
признакомъ хорошаго тона.

Такова азіятская женщина на улицѣ, на базарѣ, и особливо—на глазахъ постороннихъ мусульманъ. Но если вы встрѣтитесь съ нею одни, гдѣ нибудь въ глухомъ переулкѣ, и если нѣтъ по близости мусульманъ, тогда волосяная сѣтка откинется, покажется иногда миловидное лицо, пара черныхъ какъ угольки глазъ, сильно насурмленные брови, соединяющіяся надъ переносьемъ. Встрѣчная незнакомка усмѣхнется привѣтливо, кивнетъ головою и долго будетъ оглядываться на васъ. Жизнь затворницы унижаетъ и гнететъ женщину, обращая ее въ рабу мужниныхъ прихотей. Болѣе развитые азіятцы, каковъ былъ, напримѣръ, недавно умершій сынъ эмира бухарскаго Сеидъ-Наджметдинъ-ханъ, 20-ти лѣтній, симпатичный юноша, посѣтившій Петербургъ лѣтомъ 1876 года,—сами сознаютъ неудовлетворительное положеніе семейнаго быта азіятцевъ. Молодой принцъ прямо высказывался по этому поводу. „Съ вашими женщинами — говорилъ онъ—можно пріятно провести время, поговорить о томъ, о другомъ; а къ нашимъ женамъ идешь только по обязанности“. Жаль, что умеръ этотъ юноша; уже второй сынъ эмира, побывавшій въ Петербургѣ и вынесшій оттуда нѣсколько свѣтлыхъ идей, умираетъ внезапно, „по волѣ Божіей“.

Но мы заговорились объ азіятской женщинѣ, а между тѣмъ нечувствительно проѣхали значительную часть города и приближаемся къ центру его жизни, къ базару. Длинные, глиняные стѣны домовъ и садовъ все чаще и чаще перерываются плохо сложенными навѣсами, подъ которыми расположены овощи, дыни, арбузы, всякіе распластанные куски мяса, виднѣются мѣшки съ рисомъ, ячменемъ, сушенымъ урюкомъ, гранатами, изюмомъ, и т. п. Все чаще встрѣчается и народъ на улицахъ. Пѣшіе и конные смѣшиваются въ одну толпу. рядомъ съ долговымъ, апатичнымъ верблюдомъ, вѣчно жующимъ свою жвачку, труситъ тоненькими ножками сѣрый, гладенькій, большеголовый ишакъ. Здоровенный сартъ или киргизъ усѣлся на его крушѣ; ноги всадника достаютъ до земли, но это нисколько не смущаетъ его; онъ по-

гоняетъ ишачка ударами тоненькой палочки по головѣ, и послушный, смиренный ишакъ бѣжитъ маленькой, дробной рысцой. Ряды другихъ ишаковъ, навьюченныхъ двумя огромными мѣшками, по 5 пудовъ въ каждомъ, тянутся гуськомъ. Нѣсколько верблюдовъ, привязанныхъ одинъ къ другому, и также грузно навьюченныхъ, загородили узкую улицу. Градь безцеремонныхъ ударовъ нагайкою—и массивныя животныя суетливо сбиваются въ кучу, открывая достаточно широкій проходъ. Толпа все густѣетъ. Вотъ и туркмены, въ своихъ характерныхъ, огромныхъ, остроконечныхъ шапкахъ, изъ мѣха длинношерстного барана (*сак-сакъ*). Они всѣ верхомъ на лошадяхъ. Киргизъ въ войлочномъ *джайбаганъ*—широкомъ, остроконечномъ колпакѣ, съ отогнутыми краями, тѣснится тутъ же, въ этой смутно гудящей толпѣ. А вотъ и киргизка, съ бѣлымъ тюрбаномъ на головѣ и тоже верхомъ, на мужскомъ сѣдлѣ. Чтобы получить понятіе о головномъ уборѣ киргизки, обмотайте полотномъ высокую казачью шапку. Концы тюрбана проходятъ подъ подбородкомъ и висятъ сбоку или на спинѣ. На плечахъ халатъ, но одѣтый уже совершенно по-мужски и даже подпоясанный; на ногахъ сапоги. И какъ некрасива она въ этомъ нарядѣ! Какъ рѣзко выдѣляется изъ подъ высокаго головнаго убора ея скулистое, морщинистое, загорѣлое лицо! У стѣнъ рядами сидятъ нищіе, протягивая къ проходящимъ свои деревянныя или тыквенныя чашки и громко выпрашивая милостыню. Тутъ и женщины, и мужчины, и дѣти. Женщины нищія, безобразныя до-нельзя, конечно съ открытымъ лицомъ; имъ можно безнаказанно обходить строгій законъ. Между нищими большинство калеки, съ разными язвами, отвратительными и зловонными.

Базаръ въ Карши, какъ и повсюду въ азійскихъ городахъ, состоитъ изъ тѣснаго ряда лавокъ, съ навѣсомъ, подпертымъ простыми, деревянными, столбами. Подъ навѣсомъ, по обѣ стороны двери, устроена площадка изъ глины, устланная циновкою изъ *чія* (степной камышъ) или паласомъ (дешевый коверъ, безъ ворса). Здѣсь сидятъ хозяинъ лавки, а рядомъ лежатъ его

туфли и туфли посѣтителей. На стѣнѣ у двери и внутри лавки развѣшанъ товаръ. Тутъ же на базарѣ увидите вы лавки кузнецовъ, мѣдниковъ, ювелировъ, вышивальщиковъ, цирюльниковъ, мясниковъ, починщиковъ битой посуды, чайныя лавки и т. д. Богатые купцы, имѣющіе оптовые склады, помѣщаютъ свои товары въ *тимахъ*, большихъ, крытыхъ сараяхъ, представляющихъ первообразъ европейскихъ пассажей. Здѣсь и воздухъ чище (конечно относительно), и толкотни меньше, и лавки просторнѣе. Здѣсь расположилась торговая аристократія, *саудагары*.

Наконецъ миновали базаръ; дорога сдѣлалась чище и даже шире; нѣтъ болѣе убійственной мостовой, на которой поминутно спотыкались наши лошади. Да, читатель, въ Карши есть и мостовая; но да избавить тебя аллахъ отъ путешествія по такой мостовой. Чтобы какъ нибудь избавиться отъ вонючей и непролазной зимней грязи, каршинцы навалили, какъ пошло, на базарныя улицы огромныя булыжники въ 1 арш. и $\frac{1}{2}$ аршина діаметромъ. Камни эги не уложены, а просто разбросаны, и отъ времени успѣли уже гладко отшлифоваться на своей поверхности, отчего лошади на нихъ безпрестанно скользятъ и спотыкаются. Пѣшеходы, да еще такіе невзыскательные, какъ азіятцы, конечно, не жалуются на эту мостовую; имъ удобнѣе перебираться по ней съ камня на камень, чѣмъ тонуть въ грязи. Какъ ни разсматривай, а выходитъ все-таки нѣчто въ родѣ улучшенія.

Мимо новенькой, базарной мечети, мимо небольшого огорода, засѣяннаго макомъ, добрались мы до помѣщенія, гдѣ любезные бухарцы, наши радушные хозяева, отвели намъ квартиру.

Расположеніе азіятскаго дома довольно оригинальное и о немъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Я буду говорить о домахъ зажиточныхъ людей, потому что у бѣдняковъ домишко, конечно, слаженъ кое-какъ, только было бы гдѣ пріютиться.

Высокая, глиняная стѣна, съ большими воротами въ одной изъ сторонъ, окружаетъ все обширное помѣщеніе счастливаго обладателя азіятскихъ благъ земныхъ. Войдите

въ эти ворота, и вы прежде всего увидите просторный дворъ, застроенный по всѣмъ четыремъ сторонамъ конюшнями. Это, какъ у насъ въ Ташкентѣ, навѣсы, подъ которыми становятся лошади лѣтомъ и зимою. Закрытыхъ конюшенъ въ Средней Азіи не существуетъ, а въ холодные дни зимы ограничиваются только тѣмъ, что накрываютъ лошадей попонами. Въ стѣнѣ двора, противоположной воротамъ, устроена калитка, которая ведетъ на второй, внутренний или чистый дворъ. Этотъ дворъ часто бываетъ вымощенъ кирпичемъ. Къ одной, а иногда и къ двумъ, противоположнымъ другъ другу стѣнамъ двора пристроены крытыя террасы, *айванъ*. Крыша террасъ поддерживается легкими, стройными колонками, съ весьма оригинальными, рѣзными капителями. Иногда и вся колонка бываетъ рѣзная, а иногда ее раскрашиваютъ весьма пестро, въ персидскомъ вкусѣ. На потолкѣ террасы тоже выведены красками весьма затѣйливые, оригинальные узоры.

На айванъ выходятъ нѣсколько дверей, изъ которыхъ одна ведетъ въ главную, парадную комнату, *михманъ-хане*, т. е. гостиную. Михманъ-хане убрана коврами, подушками и одѣялами, которые разостланы у оконъ, совершенно имѣющихъ видъ дверей и выходящихъ на террасу. Только по рѣзнымъ ставнямъ можете вы догадаться, что это не двери, а окна. Здѣсь у окна, на разостланномъ ситцевомъ или адрисовомъ одѣялѣ, кейфуетъ правовѣрный въ свободные часы, которыхъ у него вообще довольно много. Рядомъ съ михманъ-хане устраивается обыкновенно другая комната, значительно меньше, съ четвероугольнымъ углубленіемъ по срединѣ. Здѣсь, зимою или поздней осенью, ставится жаровня съ хорошо перегорѣвшими угольями, согревающая комнату. Когда очень холодно, накрываютъ жаровню одѣяломъ и всѣ садятся вокругъ, накрывая колѣни краями одѣяла. Тепло и хорошо, но только надобно быть привычнымъ ко всему азіатцемъ, чтобы не пажить себѣ этимъ путемъ сильнѣйшій ревматизмъ.

Въ томъ домѣ, гдѣ мы остановились въ Карши, на противоположной михманъ-хане сторонѣ двора также устроена была терра-

са, но уже во второмъ этажѣ, образуя такъ называемый *бала-хане* (верхнюю комнату). Отъ этого слова очевидно произошло и наше европейское: *балконъ* (*). Внизу, подъ этой верхней террасой, устроены разныя кладовыя, а двери, выходящія на бала-хане, ведутъ во внутреннія, чистыя комнаты дома.

Къ этому второму, парадному двору примыкаютъ внутреннія постройки, гдѣ всецѣло царить уже домашняя жизнь и куда не смѣетъ проникнуть ни одинъ посторонній

(*) Въ Испаніи, классической странѣ балконовъ, эти послѣдніе введены маврами, выходцами изъ Азіи. любопытный мужской глазъ. Тамъ женская половина дома.

Всѣ зажиточные дома въ азіятскихъ городахъ сходны, въ общихъ чертахъ, съ только-что описаннымъ. Но по наружному, съ улицы, виду дома совершенно нельзя заключить о бѣльшей или меньшей зажиточности домохозяина. Развѣ только укажетъ на это высокая стѣна, окружающая домъ, да и то не всегда. Въ Бухарѣ и Хивѣ, на-примѣръ, всѣ дома обнесены высокими стѣнами, съ зубцами, точно крѣпости. Узкая улица отъ того кажется тамъ еще уже.

Мы уже говорили выше, что торговое значеніе Карши усилилось въ послѣднее время, съ присоединеніемъ къ Бухарѣ Шах-рисябза и Гиссара. Теперь городъ Карши значительно разросся, но общимъ отзывамъ старожиловъ. Онъ уже далеко выдвинулся за предѣлы той стѣны, которая существовала во время Ханькова, да и самой этой стѣны теперь почти нѣтъ и слѣдовъ. Въ этомъ отношеніи Карши составляетъ счастливое исключеніе изъ другихъ городовъ бухарскаго ханства, которые нисколько не измѣнились со временъ Ханькова. Всѣ, посѣщающіе, на-примѣръ, теперь Бухару, удивляются вѣрности и точности свѣдѣній, сообщаемыхъ этимъ добросовѣстнымъ и наблюдательнымъ путешественникомъ. Бухара и теперь та же, какою видѣлъ ее Ханьковъ. Нельзя того же сказать про Карши. Люднй базаръ охватилъ урду или цитадель, — мѣстопробываніе бека, — съ трехъ сторонъ: съ восточной, южной и западной. Кромѣ

этого центрального мѣста торго, составляющаго выѣстъ съ тѣмъ и азійскій клубъ, гдѣ сосредоточиваются все новости дня, возникли внутри города новые, непрерывные ряды лавокъ и сараевъ. Число мечетей увеличилось значительно, что, въ свою очередь, указываетъ на значительное приращеніе населенія. Ханыковъ, основываясь на официальныхъ данныхъ, говоритъ, что въ Карши 6 мечетей; мы насчитали ихъ гораздо болѣе четырнадцати. Многія мечети построены всего 2—3 года тому назадъ; такова, напримѣръ, новенькая и чистенькая базарная мечеть, поставленная какимъ-то благочестивымъ купцомъ. Городъ украсился также большимъ новымъ медресе (*) Ширъ-Магометъ-бая. Каршинскія медресе вообще не отличаются своимъ роскошнымъ видомъ; онѣ сложены не изъ цвѣтныхъ изразцовъ, какъ бухарскія, самаркандскія и даже хивинскія медресе и мечети, а просто изъ жженого кирпича. Но зато онѣ не представляютъ и того грустнаго вида запущенія и небрежности, какими зачастую поражаютъ медресе „благородной Бухары“ (*Бухара-ель-шерифъ*). Здѣсь вы не увидите вывалившихся изразцовъ, замѣненныхъ простою, алебастровою штукатуркою. Старинныя, давно построенныя зданія, напримѣръ медресе Сарай и Миръ-Бикей, конечно обветшали и почернѣли отъ времени; но зато все другія общественныя зданія очень хорошо сохранились.

Городъ Карши не великъ, и мы въ нѣсколько часовъ успѣли объѣхать по всемъ его узкимъ и извилистымъ улицамъ. Большая базарная улица ведетъ чрезъ обычный *чаръ-су* (**) на *регистанъ*, т. е. площадь имѣющую видъ правильнаго четвероугольника. Двѣ стороны регистана занимаютъ: медресе Абдулла-хана и большая мечеть Джума. Съ двухъ остальныхъ сторонъ регистанъ обрамляется базарными рядами, надъ которыми возвышаются: съ сѣверной стороны—куполь чаръ-су, а съ южной—такой же куполь чистой и опрятно содержимой *сардабы*. Такъ называются цистерны для сохраненія дождевой воды. Чтобы предохранить цистерну отъ заноса пескомъ и пылью, а также и отъ палящихъ лучей солнца, надъ нею строится куполь изъ

жженаго кирпича, съ круглымъ отверстіемъ наверху и нѣсколькими окнами по сторонамъ. Сардабы часто встрѣчаются въ стѣнахъ, по караваннымъ дорогамъ, и составляютъ истинное благодѣяніе для каравановъ и вообще для всѣхъ проѣзжихъ. Въ городахъ сардабы встрѣчаются сравнительно рѣже и устраиваются только падъ ключами.

На томъ же, каршинскомъ регистанѣ, близъ большой мечети, возвышается медресе Голи, построенное богатой молочной торговкой, при эмирѣ Миръ-Хайдерѣ.

На регистанъ выходятъ четыре улицы, главныя артеріи всего города. Проѣзжайте по одной изъ нихъ, мимо медресе Голи, и вы увидите недавно отстроенное медресе Ширъ-Магомета. Еще далѣе улица выведетъ васъ на другую площадь, къ воротамъ урды или цитадели. Нѣсколько группъ деревьевъ и небольшой прудъ придаютъ оживленіе этой площади, на которую угрюмо смотрятъ ворота цитадели, съ обычными двумя боковыми, круглыми башнями по обѣ стороны воротъ. Поверните съ площа-

(*) Высшій училища, гдѣ преподается вся мусульманская премудрость.

(**) На бухарскихъ базарахъ встрѣчаются особыя постройки, въ видѣ часовни, съ куполомъ, и съ четырьмя входными, аркообразными отверстіями. Эти постройки, *чаръ-су*, также занимаются торговцами.

ди въ любую изъ выходящихъ на нее улицъ, и передъ вами опять потянутся ряды лавокъ базара. Въ одномъ изъ угловъ этой площади красуется висѣлица, азіатское *mento mori*.

Цитадель, гдѣ находится помѣщеніе бека (правителя каршинскаго округа), примыкаетъ къ городской стѣнѣ, которая теперь сохранилась только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, что далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ она была въ прежнія времена. Тогда каршинская городская стѣна дѣйствительно составляла прочную, оборонительную ограду. Она была выстроена во многихъ мѣстахъ (но не вездѣ) изъ жженаго кирпича и большихъ глыбъ камней. Кирпичныя надстройки надъ городскими воротами еще сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Стѣна была выложена снаружи глазурированными, разноцвѣтными кирпичами. Остатки этой

роскошной глазури еще сохранились мѣстами довольно хорошо; видно, что рисунокъ изразцовъ состоялъ изъ группъ бѣлыхъ звѣздъ по голубому полю. Теперь стѣна мѣстами обрушилась, мѣстами заслонена совершенно постройками, которыя лѣнятся кругомъ нея. Обороняться съ этой стѣны положительно невозможно. Оттого, когда Катта-тюря, мятежный сынъ эмира, подступилъ въ 1868 году, съ войсками своими, къ Карши, тамошній бекъ, Адиль-парманачи, не счелъ возможнымъ защищаться въ городѣ и вышелъ съ каршинскимъ гарнизономъ противъ непріятеля въ открытое поле.

Какъ городская, каршинская стѣна, такъ и стѣны примыкающей къ ней цитадели, имѣютъ форму правильнаго параллелограма. Ворота въ городской стѣнѣ трое, по числу главныхъ дорогъ, ведущихъ въ городъ изъ скрестностей.

Войдемъ въ цитадель и посмотримъ внутреннее расположеніе дворцовыхъ построекъ; это избавитъ насъ отъ необходимости описывать цитадели и дворцовыя помѣщенія въ другихъ городахъ, потому что всѣ онѣ на одинъ покрой, съ немногими развѣ измѣненіями. Эта косность, это поразительное однообразіе составляетъ характеристику всей Средней Азіи вообще.

Подъ воротами цитадели, съ обѣихъ сторонъ, вы увидите небольшія, возвышенныя площадки, а на нихъ—сарбазовъ (солдатъ), далеко не воинственнаго вида, въ невысокихъ, бараньихъ, остроконечныхъ шапкахъ и красныхъ халатахъ, запущенныхъ въ широкія, желтыя кожаныя шаровары или *чембары*. Это караулъ. За возвышенной площадкой, на которую надо войти по 5—6 ступенямъ, виднѣются двери, ведущія въ темныя, грязныя до-нельзя, комнаты, въ которыхъ помѣщается караулъ.

Внутри цитадели, отъ воротъ, идетъ узкая улица; тутъ же, у самой арки стѣны, возвышается куполь мечети. По правую сторону улицы находится цѣлый лабиринтъ сакель, занятыхъ сарбазами и низшими дворцовыми чинами. По лѣвую сторону улицы находятся помѣщенія бека. Къ нему ведетъ калитка въ стѣнѣ, въ самомъ концѣ улицы. Миновавъ первый дворъ, ничѣмъ особенно не замѣчательный, мы входимъ во второй, „чистый“ дворъ, на который

выходятъ окна дворцовыхъ комнатъ. Тутъ опять находится мечеть, двоицовая, куда имѣютъ входъ для молитвы только немногіе, близкіе къ правителю люди.

Не ожидайте найти въ комнатахъ бека хотя бы слѣдъ какой нибудь роскоши. Это не въ правахъ Средней Азіи, по крайней мѣрѣ нынѣшней. Гѣллія, безъ всякой мебели комнаты устланы коврами; подушки и одѣяла—вотъ и все убранство! Стѣны оштукатурены и чисто выбѣлены; только потолокъ росписанъ яркими, фантастическими узорами, представляющими пестрое сочетаніе красокъ. Въ западной стѣнѣ комнаты находится полукруглая ниша.

За дворцовымъ помещеніемъ разбитъ небольшой садикъ, съ бассейномъ по срединѣ и съ прехорошенькимъ павильономъ въ сторонѣ, въ тѣни густыхъ деревьевъ. Изъ сада калитка ведетъ въ узкій переулокъ, гдѣ цѣлый рядъ сакель образуетъ арсеналь и пороховые склады. Надобно сознаться, что только одинъ аллахъ хранитъ бека и его помещеніе, при той безопасности, съ которой приближенные его обходятся съ порохомъ. Вездѣ видны, въ полномъ безпорядкѣ, глиняные горшки съ порохомъ, прикрытые сверху дощечкой, мѣшки съ зарядами, сваленные кое-какъ. Въ разныхъ мѣстахъ порохъ просто насыпанъ кучею, на циновкахъ. Тутъ же, и даже на кучахъ пороха, валяются ядра, пули, патроны. Нѣсколько шаговъ въ сторонѣ, въ отдельной саклѣ, устроена лабораторія, для отливки пуль. А между тѣмъ при этой полной безопасности и отсутствіи всякихъ мѣръ предосторожности, взрывовъ не бываетъ никогда. Точно такой же пороховой складъ, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ дворца, я видѣлъ и въ Хивѣ.

Съ другой стороны къ дворцовому саду примыкаютъ постройки гарема; но это сокровенное мѣсто недоступно для посторонняго глаза. По аналогіи можно сказать, что и здѣсь, какъ и повсюду въ другихъ среднеазіятскихъ дворцахъ, гаремъ образуетъ лабиринтъ хитро перепутанныхъ переходовъ, комнатъ, небольшихъ дворовъ и садиковъ. Безъ аріадниной нити тутъ рѣшительно можно сбиться.

Въ этомъ-то дворцѣ жилъ когда-то нынѣшній эмиръ Музаффаръ, при жизни отца, когда онъ былъ бекомъ въ Карши; здѣсь и теперь живетъ онъ подолгу, когда останавливается въ Карши на нѣсколько дней, во время ежегодныхъ поѣздокъ своихъ въ Шахрисабъ, весною и осенью.

СБОРНИКЪ

ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ, ТОПОГРАФИЧЕСКИХЪ и СТАТИСТИЧЕСКИХЪ

МАТЕРІАЛОВЪ ПО АЗІИ.

ВЫПУСКЪ XXXVI.

Краткій очеркъ Бухары. Ген. Шт. Полковника **Матвѣева**. Ку-
хистанъ съ сѣверною частью Гиссарскаго бекства. Ген. Шт. Ка-
питана **Лиліенталя**. Описаніе пути отъ г. Ходжента черезъ пере-
валъ (Янги-Сабакъ) въ долину Зеравшана и далѣе до Самар-
канда. Ген. Штаба Капитана князя **Бегильдеева**. Рекогносцировка
пути по Шахризъбсу. Ген. Шт. Капитана **Трусова**. Рекогнос-
цировка путей черезъ Джамскій перевалъ на Карши и Гузаръ.
Ген. Шт. Полковника **Еврейнова**. Путешествіе по Средней Азіи
изъ Манчжуріи и Пекина въ Кашмиръ черезъ проходъ Мустагъ.
Поручика **Юнгхусбенда**.

ИЗДАНІЕ ВОЕННО-УЧЕНАГО КОМИТЕТА ГЛАВНАГО ШТАБА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Воспная типографія, въ зданіи Главнаго Штаба.
1888.

Рекогносцировка пути через Джамскій переваль на Гузаръ и на Карши 1887 г.

Ген. Штаба Полковника *Евреинова.*

Дѣлая обзоръ мѣстности, посѣщенной въ іюлѣ 1887 года, нужно прежде всего сказать, что она лежитъ на границѣ равнинной и горной части Бухарскаго ханства, заключааясь почти въ прямо-угольномъ треугольникѣ, вершина коего въ нашихъ предѣлахъ, въ Самаркандѣ, а основаніе въ Бухарскихъ, на линіи Карши-Гузаръ; эта площадь вмѣщаетъ въ себѣ около 3/т. □ верстѣ. Географическое положеніе ея опредѣлить легко, зная, что сѣв. широта Самарканда $39^{\circ} 39' 24''$, Карши $38^{\circ} 52' 13''$ и Гузара $38^{\circ} 36' 18''$, а восточная долгота тѣхъ-же пунктовъ $36^{\circ} 38' 17''$, $35^{\circ} 27' 22''$ и $35^{\circ} 53' 15''$ отъ Пулково.

Водой треугольникъ богатъ неравномѣрно. Имѣя ее на самомъ сѣверѣ всегда въ избыткѣ изъ многоводнаго Зеравшана, на югѣ Кашка и Гузаръ-Дарьи настолько бѣдны водою, что рѣдко въ какое лѣто русла ихъ не сухи совершенно и чтобъ имѣть воду для питья, людямъ приходится прибѣгать къ колодцамъ. Причина многоводности Зеравшана чуть не круглый годъ и маловодности рѣкъ Кашка и Гузаръ-Дарьи кроется въ томъ, что ихъ верховья лежатъ на разной высотѣ надъ уровнемъ моря. Дѣйствительно, Зеравшанъ вытекаетъ изъ огромнаго ледника, лежащаго въ Туркестанскомъ хребтѣ на высотѣ 9/т. футъ, а верховья р.р. Кашка и Гузаръ-Дарьи лежатъ въ горахъ Хазретъ и Байсунскихъ, второстепенныхъ отрогахъ Гиссарскаго хребта. Тогда какъ Зеравшанъ, отъ таянія снѣговъ на горахъ и въ ущельяхъ и отъ выпадающихъ дождей, разливается отъ середины марта и по конецъ апрѣля, въ маѣ и до конца іюля, когда самый полный разливъ, отъ таянія вѣчныхъ снѣговъ, и въ октябрѣ, незначительный, отъ дождей и таянія начинающаго выпадать снѣга; рѣки Кашка и Гузаръ-Дарьи разливаются лишь разъ въ годъ, въ мартѣ и апрѣлѣ, когда онѣ, въ теченіи нѣсколькихъ дней, даже представляютъ пре-

граду движенію. Затѣмъ уровень воды въ нихъ быстро спадаетъ, а въ серединѣ мало-мальски жаркаго лѣта онѣ окончательно пересыхаютъ. Капитанъ Архиповъ въ описаніи своей рекогносцировки въ 1883 г. въ равнинной части Бухарскаго ханства (стр. 176 и 178 Вып. X Сбор. матеріаловъ по Азіи) говоритъ, что „р. Кашка-Дарья на протяженіи Шааръ-Карши *никогда* не пересыхаетъ“, а Гузаръ-Дарья „ездѣ переходима въ бродъ“. Пересѣвши сказанныя рѣки, въ прошломъ іюлѣ, первую у Чима и Карши, а послѣднюю у кишлаковъ Учъ-тепе и Узунъ и у г. Гузара, я нашелъ ихъ сухими и, чтобъ дойти до воды, нужно было вырывать на днѣ рѣкъ ямы въ $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ аршина. Въ это время въ Гузарѣ пили хорошую проточную воду, проведенную изъ горнаго ручья Авганъ, за 8 верстъ отъ города, а въ Карши даже всѣ самыя глубокіе хаузы высохли къ серединѣ іюля и воду стали пить колодезную. Причину отсутствія воды въ Кашка и Гузаръ-Дарьѣ туземцы видятъ въ безсніжной зимѣ прошлаго года, въ теченіе которой въ горахъ не успѣло накопиться нужное количество снѣга. Имѣя въ виду это совершенно вѣрное и справедливое замѣчаніе, нужно, однако, помнить, что туземцы не любятъ углубляться въ сущность дѣла, черезъ что слишкомъ склонны объяснять всѣ явленія самыми очевидными причинами. Такъ, помимо малосніжности зимы, они упускаютъ изъ виду, что эмиръ проводилъ лѣто этого года въ Шаарѣ, а не въ Карши, по этому запрещенія не отводить воду на вышележащія по Кашка-Дарьѣ поля не существовало, что и было причиной недохода ея до Карши. Возможно еще, пожалуй, и то объясненіе, что вслѣдствіе водворившагося въ Средней Азіи спокойствія, культура по берегамъ Кашка и Гузаръ-Дарьи развивается, а слѣд. выше Карши и Гузара потребовалось воды на поля больше прежняго. Что касается неорошаемаго названными тремя рѣками пространства, то вода здѣсь добывается лишь изъ колодезевъ, если не считать двухъ незначительныхъ ручьевъ Джамскаго и Умокайскаго и нѣсколькихъ хаузовъ, какъ напр. около дороги изъ Самарканда въ Карши, въ лоціи Уланджи-сай или близъ дороги изъ Гузара въ Карши на 6 верстъ, западнѣе Янги-Кента. Только въ періодъ дождей и таянія снѣга по саямъ проносится масса воды со стороны горъ. Глубина ко-

лодцевъ различна и, начиная съ 7 арш. въ Карши и 10 арш. по Чіалъскому саю, она доходить до 45—50 арш. на Шуръ Кудукъ. Однако, съ наступленіемъ жары уровень воды замѣтно понижается почти во всѣхъ колодцахъ и самый притокъ ея въ нихъ уменьшается. Вода въ колодцахъ по качеству неодинакова: до Джама она хороша, на уроч. Шуръ-Кудукъ встрѣчаются колодцы съ солоноватой водой, а по саю Мазарли даже съ горьковатой; впрочемъ, животныя охотно пьютъ ту и другую воду. Вода каршинскихъ колодцевъ замѣчательно прозрачна и пріятна на вкусъ. По словамъ туземцевъ, вода въ Гузаръ-Даръѣ слегка солоновата, но для питья совершенно годна. Относительно хаузной воды и даже проточной въ этихъ мѣстахъ можно замѣтить, что въ ней водится много пиявокъ, которыя присасываются во рту у животныхъ, чѣмъ затрудняютъ для нихъ ѣду. На первыхъ порахъ совершенно нельзя опредѣлить отчего животное перестаетъ ѣсть, только потомъ во рту у него замѣчается кровь, которую выпускаетъ насосавшаяся пиявка; но послѣдняя присасывается такъ глубоко, что ее не всегда возможно сейчасъ-же оторвать. Изъ 14 лошадей, поенныхъ въ Гузарѣ проточной водой, у 2-хъ присосались пиявки. Чтобы закончить о водѣ, остается прибавить, что на путяхъ от Джама къ Гузару и Карши нѣтъ ни одного обдѣланнаго камнемъ или деревомъ колодца. Такое состояніе стѣнъ колодцевъ заставляетъ быть особенно осторожнымъ при добываніи воды изъ глубокихъ колодцевъ. И дѣйствительно, хотя туземцы черпаютъ воду турсуками, однако же, чтобы обрушенными стѣнами не завалить колодцевъ и не мутить воды, всегда при добываніи воды изъ колодцевъ одинъ человѣкъ слѣдитъ, за тѣмъ чтобы ведро не билось о стѣны, а другой, самъ или при помощи лошади или ишака, тянетъ ведро изъ колодца.

Барометрически опредѣленная высота Самарканда 2.150—2.230 футъ, Гузара 1.310 и Карши 820 показываетъ, что вообще превышеніе площади треугольника надъ лежащей къ западу степью не велико. Только врѣзывающійся съ востока Шахризъабскій хребетъ, составляющій продолженіе Зеравшанскаго, дѣлаетъ сѣверную часть разсматриваемаго пространства болѣе возвышенною. Дѣйствительно, между Каратюбинскимъ переваломъ и Джамамъ, вы-

сота горъ достигаетъ 7/т. футъ. Онѣ имѣютъ характеръ сплошной массы, значительно понижающейся къ Джаму, отъ котораго переходятъ въ холмы и быстро сравниваются съ поверхностью степи. Между Кара-тюбе и Джамомъ горы образуютъ много ущелий, облегчающихъ сообщеніе отъ юга къ сѣверу. Наиболѣе оживленное сообщеніе ведется всетаки черезъ перевалъ Кара-тюбинскій и проходъ у Джама, причемъ дорога у послѣдняго пункта уже не препятствуетъ движенію, такъ какъ высшая точка здѣсь не переходитъ 2.050 футъ. Хотя горы къ востоку отъ Джама и покрываются въ теченіи трехъ зимнихъ мѣсяцевъ снѣгомъ, но самый Кара-тюбинскій перевалъ (высота кишлака Кара-Тюбе, по опредѣленію Шварца, 2.920 футъ) не представляетъ затрудненія вьючному движенію въ теченіи круглаго года.

Что касается колеснаго движенія между Самаркандомъ, Карпи и Долиною Аму-Дарьи, то оно всецѣло идетъ черезъ Аджиримъ и Айритама, на западъ отъ Джама, гдѣ спуски и подъемы отложе и самая дорога менѣе камениста, нежели между Анжирликомъ и Шуръ-вудукомъ, на Джамскомъ пути. Остается еще сказать, что Шахризабскій хребетъ служить водораздѣломъ рѣки Зеравшана и Кашка-Дарьи.

Что касается главнаго продолженія Тяньшанскаго хребта, горъ Гиссарскихъ, то онѣ протягиваются лишь до Гузара, у котораго оканчиваются горою Котинъ-ку. Продолженіемъ тѣхъ горъ на западъ служатъ гряды невысокихъ холмовъ, раздѣленные крутыми оврагами.

Отличительныя свойства *климата* Туркестанскаго края, его сухость и континентальность проявляются на описываемомъ пространствѣ въ сильнѣйшей степени, вслѣдствіе соприкосанія съ безводной степью Карнакъ-чуль, что разстилается между Бухарой и Карпи, а также вслѣдствіе отсутствія текущихъ водъ и растительности во всемъ треугольникѣ, кромѣ окраинъ на сѣверѣ и югѣ. Дожди, во время лѣта, составляютъ здѣсь рѣдкое и совершенно случайное явленіе. Самое же лѣто продолжается 5 мѣсяцевъ. Опредѣлить наибольшую въ году степень жары въ тѣни, или количество выпадающей влаги, не представляется возможною, ибо постоянныхъ метеорологическихъ станцій нѣтъ; по сдѣ-

*

ланнымъ же во время поѣздки записямъ температуры видно, что, наивысшая была, за время съ 21 іюля по 4 августа, на Чіалѣ, 25 іюля, когда въ 12 час. дня термометръ показывалъ въ тѣни 32° R. По мѣрѣ развитія дневнаго жара въ степи, къ югу отъ Джама, подымается знойный вѣтеръ, достигающій значительной силы. За время поѣздки было наблюдено, что въ степи часовъ съ 3½—4 утра начинается дуть, съ большими перерывами, слабый юго-западный или западный вѣтерокъ, совершенно теплый; около 10 часовъ утра онъ замѣтно усиливается, достигая большей силы въ 12—1 ч. дня, когда онъ дуетъ порывами; вмѣстѣ съ тѣмъ мѣняется его направленіе на сѣверо-западное; къ 8—9 час. вечера вѣтеръ постепенно ослабѣваетъ и дуетъ часовъ до 12 ночи всегда съ запада, когда стихаетъ до утра. Иногда, впрочемъ, какъ это было въ Янги-кентѣ, 29 іюля, около 9 час. вечера, западный вѣтеръ очень усилился и задулъ порывами, что продолжалось за полночь, когда онъ стихъ совершенно. Бываетъ и такъ, что слабый вѣтерокъ дуетъ всю ночь, освѣжая воздухъ, какъ случилось въ Чимѣ, въ ночь на 27 іюля. Что касается степи на сѣверъ отъ Шахризязскихъ горъ, то, по мѣрѣ приближенія отъ Джама къ культурной полосѣ р. Зеравшана, вступаетъ въ полосу вѣтра со стороны послѣдней, сила котораго къ полудню и за полдень все увеличивается, причемъ вѣтеръ дуетъ порывами и горячій. Относительно вѣтровъ въ горномъ пространствѣ Шахризязскаго хребта ничего опредѣленнаго наблюсти не привелось, ибо направленіе вѣтра здѣсь всецѣло зависитъ отъ окружающихъ горъ: въ Джамѣ, напр., чуть не всегда дуетъ сильный горячій восточный вѣтеръ отъ горъ; въ Умокаѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ горами, направленіе вѣтра въ теченіе дня діаметрально противоположно положенію солнца. Джамскіе и умокайскіе вѣтры мѣстными жителями считаются очень вредными для организма. Для предохраненія своего тѣла отъ ихъ дѣйствія, люди во время сильныхъ и горячихъ вѣтровъ надѣваютъ на себя понѣсколько халатовъ.

Между болѣзнями слѣдуетъ назвать: лихорадку, поносъ, рш-ту, сартовскую болѣзнь и махао, и развивающіяся по преимуществу въ зимніе мѣсяцы ревматизмъ и грудныя заболѣванія. Кромѣ

того, по временамъ, свирѣпствуетъ, особенно между дѣтьми, оспенная эпидемія, а въ прошедшемъ году унесено много жертвъ въ Карши, Янги-кентъ и Учъ-тепе, какъ говорятъ туземцы, холерой, а по заявленію врача д. статскаго совѣтника Свіязскаго—возвратнымъ тифомъ. Эпидемія была настолько сильна, что большія семьи вымирали до послѣдняго человѣка, а въ Янги-кентѣ и Учъ-тубе народу уменьшилось на половину. Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что каршинскія лихорадки принадлежатъ къ очень злокачественнымъ и трудно поддающимся леченію. Не обладая познаніями по медицинѣ, не берусь съ увѣренностью за указаніе причинъ злокачественности каршинскихъ лихорадокъ и тифовъ. Принимая же во вниманіе, что жители г. Карши должны ежегодно пить колодезную воду въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, что городскіе колодцы вообще не глубоки и что даже въ центрѣ города имѣются кладбища, на коихъ понынѣ еще хоронятъ, станутъ понятны какое то инстинктивное отвращеніе жителей отъ колодезной воды, которая, пожалуй, и служитъ источникомъ заразы, и предпочтеніе, отдаваемое передъ ней гадкой, загнивающей хаузной водѣ.

Пути сообщенія на разсматриваемомъ пространствѣ состоятъ лишь изъ грунтовыхъ дорогъ, подраздѣляющихся на арбяныя и выючныя. Маршруты и подробное описаніе дорогъ отнесены въ приложенія.

Здѣсь нужно лишь добавить: 1) что черезъ Зеравшанъ, около Самарканда, имѣется довольно удобный бродъ, а черезъ Гузаръ-Дарью и Кашка-Дарью въ Гузаръ и Карши имѣется по прочному мосту, которые въ состояніи выдержать тяжесть артиллеріи, и 2) что бухарское правительство не прилагаетъ никакихъ заботъ къ исправленію дорогъ. Лишь въ этомъ году дорога отъ Бухары до Шаара была подправлена передъ проѣздомъ эмира, который совершилъ весь путь въ коляскѣ.

Дабы закончить о путяхъ, придется сказать, что Л. О. Костенко, говоря о Джамскомъ перевалѣ (стр. 135 тома 1 Туркестанскій край), пишетъ: „Главная торговая дорога и единственная, по которой ѣздятъ на колесахъ изъ Самарканда въ г. Карши и далѣе

до Аму-Дарьи, проходить черезъ это ущелье. Черезъ Джамъ происходитъ главное сообщеніе между г. Бухарою и долиною Шах-риязба“. Не увѣренный, какъ понимать въ послѣдней фразѣ слова: *главное сообщеніе*, я замѣчу только, что, вѣроятно, Л. Костенко говоритъ о вѣчномъ сообщеніи, ибо все армянское ведется отъ Шаара и Чиракчи по дорогамъ южнѣ Джама, гдѣ мѣстность менѣе гориста и камениста. По тѣмъ-же причинамъ все колесное движеніе между Самаркандомъ, Карши и долиною Аму ведется не черезъ Джамъ, а черезъ Аджиримъ и Айритами.

Первобытными коренными жителями всего ханства, а слѣдовательно и разсматриваемаго треугольника, слѣдуетъ признать таджиковъ, которые лишь подъ давленіемъ силы постепенно наплывавшихъ сюда народовъ отошли въ болѣе непреступныя, горныя мѣста. Первыми нарушителями ихъ мирнаго спокойствія были арабы, разосланные во всѣ страны свѣта для увеличенія послѣдователей пророка и въ концѣ VIII столѣтія появившіеся на берегахъ Зеравшана. Обративъ таджиковъ въ магометанство, они оставили власть въ рукахъ самманидовъ, а сами продолжали вести свой кочевой образъ жизни. Такое положеніе вещей было нарушено въ X вѣкѣ узбеками, низвергшими власть самманидовъ. Разбитые въ свою очередь полчищами Чингизъ-хана, узбеки уступили берега Зеравшана монголамъ, а сами откочевали на сѣверъ на Сыръ-Дарью. Влекомые благодатными берегами южныхъ рѣкъ, узбеки не разъ вторгались въ ханство, когда власть чингисидовъ ослабѣвала. Время Тимура задержало ихъ на сѣверѣ около столѣтія и только въ XV вѣкѣ, когда огромная монархія Тимуръ-бека начала распадаться, узбеки снова овладѣли Бухарскимъ ханствомъ, гдѣ господствуютъ по сіе время, давая изъ своей среды эмировъ. Изъ сдѣланнаго очерка видно, что географическое положеніе Бухарскаго ханства заставляло всѣхъ завоевателей подчинять его себѣ, при чемъ всякій новый наплывъ оставлялъ неизгладимые слѣды въ племенномъ составѣ ханства.

Дѣйствительно, нынѣ населеніе разсматриваемаго треугольника, какъ и всего ханства, принадлежитъ къ кавказской и монгольской расамъ. Къ первой должно отнести персовъ, евреевъ,

арабовъ, индусовъ и цыганъ; во второй—таджиковъ, сартовъ и узбековъ. Народы кавказской расы слишкомъ здѣсь малочисленны, почему преобладаніе принадлежитъ народамъ турско-татарской отрасли монгольской расы. Цифра, даже приблизительная, всего населенія разсматриваемаго пространства опредѣлена быть не можетъ, какъ нельзя опредѣлить процентнаго между собою соотношенія народностей. Можно съ увѣренностью замѣтить, что даже сами бухарскія власти не знаютъ этихъ цифръ, а потому въ опредѣляемому—Кап. Архиповымъ (стр. 182 и 206 Вып. X Сб. матер. по Азіи) числу дворовъ въ Гузарскомъ и Каршинскомъ бекствахъ въ 40/т. и 100/т. слѣдуетъ относиться весьма осмотрительно. Мѣста поселеній названныхъ народностей рѣдко когда представляютъ собою сплошныя пространства; въ большинствѣ же культурныхъ оазисовъ всѣ народности имѣютъ своихъ представителей. Дѣйствительно, на безводныхъ пространствахъ описываемаго треугольника кочуютъ узбеки родовъ: мангытъ и каучикъ—въ окрестностяхъ Карши, сарай—вдоль дороги отъ Самарканда въ Карши, кунградъ—между Карши и Шахризаябскими горами, а также въ горахъ на востокъ отъ Гузара. Кап. Архиповъ говоритъ, что кочевники Гузарскихъ горъ суть *киризы* рода кунградъ. По разспросамъ въ Гузарѣ, кочевники этого бекства суть узбеки. У Ханыкова находимъ, что родъ кунградъ есть узбекскій и говоря о племенахъ населяющихъ ханство, стр. 74, онъ упоминаетъ о киргизахъ, точно опредѣляя мѣста ихъ кочевокъ на сѣверъ отъ Самарканда; также въ Ежегодникѣ Турк. края, стр. 136 и 137, говорится объ узбекахъ-кунградцахъ, какъ обитателяхъ горъ Гузарскихъ. Къ кочевникамъ принадлежатъ еще арабы и цыгане. На сѣверѣ описываемаго пространства кочуютъ тѣ и другіе, причемъ цыганъ вообще крайне мало; они кочуютъ также на югѣ, ютятся подлѣ осѣдлаго населенія. Это послѣднее составляютъ сарты, таджики, узбеки, рода мангытъ и кунградъ, и персіяне. При этомъ въ горожанамъ принадлежатъ, главнымъ образомъ сарты; въ городахъ же Карши и Гузарѣ поселились также и старшины узбекскихъ родовъ, кочующихъ вблизи ихъ.

Сдѣланный обзоръ населенія Бухарскаго ханства показываетъ, что племенной составъ его слишкомъ разнообразенъ; въ виду раз-

личія въ образѣ жизни господствующаго кочеваго народа и осѣдлыхъ жителей, трудно предвидѣть, когда возможно между ними сліянiе, при которомъ интересы ханства стали-бы для всѣхъ одинаково близки. А до той поры ихъ связываетъ лишь *спроученіе Магомета*, безъ нивелирующаго вліянія котораго немислимо самое существованіе ханства, ибо только вѣра удерживаетъ народы отъ взаимнаго истребленія. Только цыгане, евреи и персіане не смотрятъ на прочіе народы ханства, какъ на единовѣрныхъ, что, впрочемъ, не можетъ вредить дѣлу религіознаго единства, какъ вслѣдствіе малочисленности этихъ трехъ народностей, такъ равно и изолированности ихъ между собою.

Въ самомъ дѣлѣ, цыгане, считающіеся магометанами, но скорѣе всего язычники, бродятъ по всему ханству; евреи, исповѣдывая іудейство, живутъ, главнымъ образомъ, въ большихъ торговыхъ городахъ: Бухарѣ, Самаркандѣ и Карши, а персіане, по наружности суниты, но шииты въ душѣ, разбросаны по всему ханству, какъ остатки прежнихъ рабовъ; до 4.000 ихъ семействъ было переселено изъ Мерва въ окрестности Самарканда въ царствованіе эмира Сеида.

Остается разсмотрѣть *густоту населенія* на описываемомъ пространствѣ. И здѣсь, какъ раньше, мы не можемъ имѣть никакихъ точныхъ цифръ, а потому всѣ выводы слѣдуетъ считать за приблизительные. Крайніе сѣверъ и югъ описываемаго пространства, т. е. долины Зеравшана, Кашка и Гузарь-Дарьи заселены плотно. Пожалуй, относительно послѣднихъ двухъ рѣкъ можно сказать, что долины ихъ уже заселены до той степени, когда всякія случайныя явленія въ состояніи породить голодъ. Дѣйствительно, малое количество воды въ Кашка-Дарьѣ не дало только обычныхъ урожаевъ въ прошедшее лѣто, и этого уже достаточно, чтобы масса бѣднаго народу направилась изъ Карши въ Самаркандъ, надѣясь заработками тамъ найти дневное пропитаніе. Если цифры, выведенныя во всеподданнѣйшемъ отчетѣ генералъ-адъютанта Кауфмана I (стр. 13 и 15), для числа душъ на кв. милю въ Зеравшанскомъ округѣ и степной полосѣ края, а именно 708 и 95, принять одну для долинъ названныхъ трехъ рѣкъ, а другую для безводнаго пространства,

что между тѣми рѣками, то едвали получится большая погрѣшность въ опредѣленіи густоты населенія.

Осѣдлое населеніе по роду занятій придется подраздѣлить на земледѣльцевъ, торговцевъ и промышленниковъ. Земледѣліе занимаетъ наибольшее число рукъ; но нѣтъ никакихъ данныхъ для опредѣленія хотя приблизительной цифры земледѣльцевъ, торговцевъ и промышленниковъ. Что касается населенія безводныхъ степей, то оно живетъ не однимъ скотоводствомъ; напротивъ, чисто кочевой образъ жизни ведутъ лишь богатые узбеки, которые, съ наступленіемъ тепла, откочевываютъ со своими стадами въ горы, а на зиму возвращаются въ степь; бѣдность-же остается на однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ въ степи со своимъ многочисленнымъ скотомъ, гдѣ дѣлаетъ запашки подъ дождь—лалъми.

Экономическое положеніе всего осѣдлаго населенія далеко выше кочеваго; правда, между земледѣльцами нѣтъ такихъ богачей, какихъ можно встрѣтить между торговцами и кочевниками, но по одному тому, что земледѣліе занимаетъ наибольшее число рукъ, нужно заключить, что это болѣе выгодная отрасль занятія въ описываемомъ краѣ. Вывести цифру доходности земли, а слѣд. опредѣлить ежегодный доходъ жителя, нѣтъ никакихъ основаній; принимая же во вниманіе плодородіе почвы, теплоту здѣшняго климата и ограниченность потребностей у населенія можно, съ увѣренностью сказать, что его благосостояніе вполне удовлетворительно.

Сословное дѣленіе въ Бухарѣ таково, что первые два класса составляютъ сеиды и ходжи. Первые суть потомки Османа и Али-Ширъ-Хода, происшедшіе отъ дочери пророка; вторые же—потомки Абубекра и Омара, а также вышеназванныхъ двухъ, но отъ иныхъ женъ, а не дочерей Мухамеда. Слѣдующія два сословія суть: Уручъ-Даръ и Шакырды-Пиша; къ первому принадлежатъ узбеки и всѣ потомки государственныхъ людей, усердно служившихъ эмирамъ, а во второму: таджики, сарты, персіяне и всѣ другіе люди низкаго происхожденія. Наконецъ, есть еще классъ людей—духовенство или муллы,—принадлежность къ которому опредѣляется извѣстными теологическими познаніями независимо отъ того, къ

какому классу принадлежалъ человѣкъ по рожденію. Люди всѣхъ сословій, смотря по тому—служать они или нѣтъ, подраздѣляются на сипаи и фукера. Изъ массы чиновъ, существующихъ въ Бухарѣ, многіе очень почетные, позволяющіе, напримѣръ, правомъ вѣзжать верхомъ во дворецъ, принадлежать къ ходжамъ. Затѣмъ, тотъ или иной военный чинъ дается не только по заслугамъ, но также въ зависимости отъ сословія; къ которому принадлежитъ человѣкъ, напр., происходя изъ сословія Шакирдъ-Пиша, можно получить лишь чинъ инака, а чины парваначи, диванъ-беги и аталыка даются людямъ изъ сословія Ругъ-Даръ. Кушъ-беги есть придворный чинъ и хотя онъ степеню старше инака, но его могутъ получать люди сословія Шакирдъ-Пиша. Остается еще замѣтить, что отличіемъ чина тохсаба служить бунчукъ, который долженъ быть зеленаго цвѣта, если въ этотъ чинъ произведенъ узбекъ рода мангытъ (Ханыковъ, стр. 179).

Опредѣлить *осѣдность* населенія описываемаго пространства не представляется возможности. Наибольшіе города здѣсь суть: Самаркандъ 35/т., Гузаръ 10/т. и Карши 35/т.

Характеръ жилья зависитъ отъ того—кочевникъ или осѣдлый житель обладатель его. Кочевники живутъ въ юртѣ, а осѣдлые въ домахъ, которые крайне разнообразны: отъ жалкихъ построекъ, лишь именующихся домами, осѣдающихъ въ степи узбековъ, до имѣющихъ претензію на архитектурныя достоинства городскихъ домовъ. Но какъ тѣ, такъ и другіе неудовлетворительны въ гигиеническомъ отношеніи и совершенно неприспособлены для сохраненія въ нихъ тепла въ холодное время года. Оправданіемъ неимѣнія мало-мальски сносныхъ построекъ у узбековъ въ Бишчашминской и Чіальской волостяхъ, по словамъ волостнаго бекаджана, служить полное отсутствіе лѣса, который нужно возить изъ населенныхъ мѣстъ по Кашка-Дарѣ.

Положеніе *сельскаго хозяйства* нельзя назвать твердымъ, не смотря на многія благоприятныя условія климата и почвы, разъ оно находится настолько въ зависимости отъ количества дождей, что отсутствіе ихъ весною въ состояніи породить голодъ, какъ

это случилось въ текущемъ году съ пространствомъ на югъ отъ Шахризавскихъ горъ. Главная причина заключается въ недостаткѣ воды. Дѣйствительно, туземцы сдѣлали все для возможнаго развитія сѣти оросительныхъ канавъ, но отсутствіе въ горахъ, изъ которыхъ берутъ начало Кашка и Гузаръ-Дарья, вѣчныхъ снѣговъ, не даетъ настолькоъ воды, чтобъ она могла течь всегда по этимъ канavamъ. Отъ этого даже осѣдлому населенію приходится быть въ зависимости отъ урожая ляльми, т. е. посѣвовъ подъ дождь. Другая причина, которая могла-бы оказывать вредное вліяніе на успѣшное веденіе хозяйства,—недостатокъ скота у осѣдлаго населенія, а черезъ то и удобрения, при недостаткѣ воды даже неощутительна. Дѣйствительно, въ кишлакахъ отъ Чима до Гузара и въ самомъ Гузарѣ вездѣ по улицамъ встрѣчается масса прекраснаго, совершенно перегорѣвшаго навоза. По заявленію туземцевъ, при недостаткѣ воды, сильное унавоживаніе приноситъ лишь вредъ, такъ какъ посѣвы могутъ выгорать окончательно. А какъ за недостаткомъ воды приходится засѣвать лишь разъ въ годъ, то и остается много удобренія. Сильнѣе другихъ удобряются клеверныя поля, на которыя чаще пускается вода. Наконецъ, третья причина, оказывающая вредное вліяніе на хлѣбопашество, слабость рабочаго скота, здѣсь, при малости земельныхъ участковъ, которые зачастую обрабатываются однимъ кетменемъ, не имѣетъ никакого значенія. Есть еще бичъ земледѣльцевъ, особенно въ степи, это саранча. Три года подъ рядъ на пространствѣ между Чимомъ, Гузаромъ и Карши посѣвы поѣдались саранчей; только въ 1886 году урожай былъ хорошъ. Несмотря, однако, на указанныя неблагоприятныя условія для земледѣлія, послѣднее все-таки есть самое выгодное занятіе, какъ болѣе обезпечивающее здѣшняго жителя. Дѣйствительно, такія малоснѣжныя зимы и бездождныя весны, какъ послѣдняго года, рѣдкость; при мало-мальски же достаточномъ выпаденіи влаги урожай бываютъ обезпеченные; большее количество дождей съ весны настолькоъ обезпечиваетъ населеніе хлѣбомъ, что остается часть для вывоза. Справедливость сказаннаго можно видѣть изъ того, что урожай пшеницы отъ самъ 16 до самъ 32—самые обыкновенныя, а въ нѣкото-

рыхъ мѣстахъ Бишъ-чапминской волости, по словамъ ея волостнаго садыкъ-ходжи, старшаго сына чиричинскаго бека, иногда урожай доходитъ до баснословнаго—самъ 60. Обыкновенные же въ неорошаемой искусственно мѣстности урожай самъ 15. Урожай самъ 2—3 считаются очень слабыми; напр., въ сѣверу отъ Арыкъ-ачкана урожай ляльми въ этомъ году былъ очень плохъ; стебель былъ настолько низокъ, что колосья собирали прямо въ копы, за невозможностью вязать въ снопы; однако, туземцы полагали, что урожай былъ не менѣе самъ 2.

Разсматриваемое пространство отличается разнообразіемъ своихъ *земледѣльческихъ продуктовъ*. Но прежде переименованія ихъ, слѣдуетъ замѣтить, что въ искусственно орошаемой части разсматриваемаго пространства наиболѣе распространено садоводство, далѣе огородничество и затѣмъ уже хлѣбопашество. Въ неорошенной степи главное занятіе земледѣльцевъ—хлѣбопашество, пшеница, ляльми; деревьевъ же всего счетомъ съ десятковъ будетъ, а огородничество, какъ одно разведеніе арбузовъ, только у Хана-бендта. Дѣлаютъ еще посѣвы кунжута, даже на склонахъ горъ, какъ то можно было видѣть у Арабанда, но въ очень ограниченномъ размѣрѣ. По количеству разводимыхъ фруктовъ, ихъ слѣдуетъ поставить въ слѣдующемъ порядкѣ: виноградъ, гранаты, смоква, персики, абрикосы, яблоки, груши, айва, вишни, миндаль и джида. Сорта винограду, персиковъ и абрикосовъ (урюкъ) замѣчательны своимъ разнообразіемъ и вкусомъ; лучшіе персики—самаркандскіе. Наибольшій доходъ отъ танапа земли даютъ абрикосы, не только потребляемые на мѣстѣ, но и вывозимые въ сухомъ видѣ въ Россію. Огородныя растенія, разводимыя здѣсь, суть: свекла, морковь, рѣдька, капуста, лукъ, огурцы, горохъ, чечевица, бобы, дыни, арбузы и тыквы. По разнообразію сортовъ и даже формъ, а также по доходу, даваемому съ танапа, особеннаго вниманія заслуживаютъ дыни и затѣмъ тыквы. Въ среднемъ танапъ даетъ отъ 1 до 2 тысячъ дынь; въ особенно же урожайные годы съ танапа снимаютъ 4—5 тысячъ штукъ. Что касается тыквъ, то, требуя ежедневной поливки и очень сильнаго удобренія, они рождаются въ числѣ 2—3 тысячъ съ танапа. Разводится еще хлопокъ, клеверъ и табакъ. Хлопокъ очень не

высокаго качества, но по доходности съ танапа разведеніе его также выгодно, какъ и дынь. Разведеніе клеверу (люцерны) вызывается полнымъ отсутствіемъ луговъ. Урожай его находится въ зависимости отъ количества пускаемой на поля воды и доходятъ до 4—5 жатвъ. Въ Гузарѣ, гдѣ воды всегда больше, чѣмъ въ Карши, клеверъ снимаютъ до 4 разъ, а въ Карши 1—2 раза, получая съ танапа до 150 сноповъ, каждый вѣсомъ около 5—8 фунтовъ.

Табакъ сѣется въ двухъ мѣстахъ во всемъ ханствѣ: въ Катта-Курганѣ и Карши, причемъ каршинскій табакъ предпочитаютъ первому.

Изъ хлѣбныхъ злаковъ разводится: пшеница, сорочинское пшено, просо, джугара и ленъ. Наибольшій доходъ даетъ танапъ, засѣянный джугарой.

У Ханыкова (стр. 151 и 153) опредѣлено, что танапъ земли подъ садами въ 7 разъ превосходить своею доходностью танапъ, засѣянный хлѣбами, и что земля даетъ ежегодно 59% со своей стоимости.

Справедливость выводовъ подтверждается тѣмъ, что всякій туземецъ стремится къ расширенію сада своего, при малѣйшей къ тому возможности, и если, не смотря на столь огромные барыши, осѣдлое населеніе не благоденствуетъ, такъ это потому, что ему приходится за массу привозныхъ предметовъ платить несоразмѣрно дорого.

Про *скотоводство* нельзя сказать, чтобъ оно было въ хорошемъ состояніи вообще, но нѣкоторыя отрасли его дѣйствительно прекрасны. Напр., на описываемомъ пространствѣ разводятся лошади: туркменскія, узбекскія, кокандскія, киргизскія и карабъ-аиръ. Коневодство можетъ считаться находящимся въ отличномъ состояніи не только по количеству, но и по качеству коней. Также хороши разводимыя здѣсь ослы, а у кочевниковъ верблюды, какъ единственное животное для перевозки грузовъ. Много и хороши разводимые бараны, мясо которыхъ туземцы предпочитаютъ мясу рогатаго скота; послѣднее вполне законно, ибо баранина всегда бываетъ жирная, сочная и мягкая, а мясо рогатаго скота худое и тощее. О количествѣ разводимаго скота нѣтъ никакихъ цифръ;

о большомъ количествѣ вообще его у кочевниковъ, особенно же лошадей, можно судить по дешевизнѣ базарныхъ цѣнъ; дороже другихъ лошадей цѣнятся аргамаки, а между ослами—бѣлые. Для корма скота кочевники не дѣлаютъ никакихъ заготовокъ на зиму; осѣдлое населеніе тоже не очень заботится о заготовкахъ и лишь подкармливаетъ скотъ, т. е. днемъ его постоянно выгоняетъ на поле и только въ ночи даетъ немного корма.

Птицеводствомъ занимаются вообще мало; да и то лишь подлѣ городовъ.

Послѣ земледѣлія наибольшее число рукъ занято *торговлей*. Съ перваго взгляда внутренняя *торговля* поражаетъ своею обширностью; въ каждомъ значительномъ кишлакѣ и городѣ настроена масса лавокъ; но онѣ всѣ бѣдны и владѣльцы ихъ торгуютъ потому, что это даетъ хотя малыя средства къ ихъ жалкому существованію. Богатыхъ купцовъ изъ занимающихся внутреннею торговлею почти нѣтъ. *Внѣшняя торговля* представляетъ большее оживленіе и количество капиталовъ, привлеченныхъ къ ней, болѣе значительно. Предметами вывоза служатъ, главнымъ образомъ, продукты земледѣльческой промышленности, какъ-то: хлопкъ, шелкъ, сушеные фрукты; обрабатывающая промышленность даетъ мало предметовъ для вывоза, по крайности теперь. Проведеніе черезъ г. Бухару желѣзной дороги не останется безъ вліянія на усиленіе оборотовъ внѣшней торговли по всему ханству. А потому можно предположить, что Карши, представляющій собою главный складочный пунктъ товаровъ, направляющихся въ восточныя бекства ханства и отчасти въ Авганистанъ, приобрететъ современемъ еще болѣе важное торговое значеніе. Такъ какъ не имѣется никакихъ данныхъ къ опредѣленію цифръ торговыхъ оборотовъ, то остается еще сказать, что по всему ханству берется съ торговцевъ мусульманъ $\frac{1}{40}$ стоимости, а съ христіанъ $\frac{1}{20}$, кромѣ русскихъ подданныхъ, которые въ Бухарѣ, согласно договора 1868 г., платятъ тоже $\frac{1}{40}$.

Промышленность въ разсматриваемомъ треугольникѣ въ количественномъ отношеніи никогда не имѣла особаго значенія, ибо она всегда оставалась кустарною; въ качественномъ же отношеніи многія отрасли достигли замѣчательнаго совершенства, какъ

напр. шелковое въ Самаркандѣ, ковровое въ Карши. Постепенное развитіе торговли съ Россіей уменьшаетъ количество производимыхъ на мѣстѣ хлопчато-бумажныхъ тканей, но еще не скоро то время, когда населеніе на бѣлье станетъ употреблять не мату, а нашъ коленкоръ. Среди прочей кустарной промышленности заслуживаютъ вниманія: ювелирное, кузнечное ремесла, мѣдно-литейное, горшечное и рѣзба на деревѣ.

Минеральными богатствами рассматриваемое пространство не богато или, по крайней мѣрѣ, они теперь еще неизвѣстны. Только въ горахъ на востокъ отъ Гузара, около кишлака Башъ-хуръ, имѣются ломки прекрасной розовой соли, складочнымъ мѣстомъ для которой служить Карши; отсюда ее развозятъ въ Бухару, Кермине и Самаркандъ, откуда уже привозятъ въ Ташкентъ, гдѣ она и зовется самаркандской солью. О разработкѣ гдѣ либо каменнаго угля или хотя присутствіи его ничего неизвѣстно, а потому топливомъ служатъ садовыя деревья, кизякъ и сорныя травы и ихъ корни.

Прежде чѣмъ сказать что либо о доходахъ Чиракчинскаго, Каршинскаго и Гузарскаго бекствъ, слѣдуетъ замѣтить, что доходъ правительства двоякаго рода: съ земли и торговли. Такъ какъ Бухара приняла исламъ по принужденію, то земли ея принадлежатъ къ отдѣлу хираджъ, т. е. съ плодовъ земли платится %о, не могущій превысить половины дохода; но обычай подраздѣляетъ еще земли на мильеъ и амлякъ, т. е. на земли данныя эмирами своимъ подданнымъ въ вѣчное владѣніе, не требуя съ нихъ никакого взноса, причемъ документъ объ этомъ имѣется на лицо, и земли тоже мильковыя, но на которыя документы потеряны, а потому съ нихъ подать платится, но по назначенію эмира, причемъ она не можетъ превышать наименьшаго хираджа. Касательно налоговъ удалось собрать, что съ богарныхъ полей подъ городами платится съ 4 одинъ батманъ, а съ заливныхъ 1 съ 3; въ горахъ, откуда далеко отъ города и выгодныхъ базаровъ, платится 1 батманъ съ 10. Со скота берется 1 баранъ со ста или взаимнъ барана 4—5 руб. деньгами, а съ коровъ и лошадей подать не берется. Что касается цифръ, получаемыхъ отъ налоговъ по бекствамъ, то онѣ заимствуются отъ капитана Ар-

хипова: чиракчинское даетъ 25 т. (стр. 176), гузарское 20 т. батмановъ хлѣба (стр. 182) и каршинское 20 т. руб. только съ хлопка и винограда. Насколько великъ доходъ отъ пошлинъ съ вѣшной и внутренней торговли—неизвѣстно. Извѣстно лишь, что берется $\frac{1}{40}$ со стоимости товаровъ, за чѣмъ наблюдаетъ во всей Бухарѣ кушъ-беги, черезъ поставляемыхъ имъ чиновниковъ, находящихся въ каждомъ городѣ. Сороковину со стада собираютъ эти же лица.

Въ административномъ отношеніи разсматриваемый участокъ представляетъ собою части чиракчинскаго, гузарскаго и каршинскаго бекствъ. Глава ханства, которому принадлежитъ жизнь и имущество всѣхъ подданныхъ, есть эмиръ, власть котораго ограничивается каноническимъ мусульманскимъ правомъ. Для управленія все Бухарское ханство раздѣлено на бекства; беки назначаются самимъ эмиромъ; бекства подраздѣляются на волости, въ которыя волостныхъ назначаютъ беки; волости состоятъ изъ амлякдарствъ. Сборъ хераджа лежитъ на обязанности бековъ, кои сами ведутъ и расходы по бекству. Пользуясь личнымъ расположеніемъ эмира, беки не позволяютъ себѣ большихъ злоупотребленій, зная, что ихъ дѣйствія всегда могутъ быть обжалованы передъ эмиромъ, доступъ къ которому не затруднителенъ. Еженедѣльно о важныхъ происшествіяхъ беки доносятъ эмиру, который послѣ Намаза-Джума даетъ приказанія по нимъ. На пути къ югу отъ Джама въ Карши и Гузарѣ лежатъ сначала двѣ волости Чиракчинскаго бекства, Бишъ-чашминская сѣвернѣе, а Чіальская южнѣе ея; затѣмъ немного сѣвернѣе Арыкъ-ачкана начинается Чимская волость Каршинскаго бекства, простирающагося на югъ до Люли-тепе; отсюда начинается Гузарское бекство, границей котораго на западѣ по дорогѣ изъ Гузара въ Карши служитъ холмъ Поянъ-тепе, откуда уже идетъ Ханабадская волость Каршинскаго бекства, простирающагося на сѣверъ къ Джаму только верстъ на 20—25, ибо Беглямишъ уже Чіальской волости. Поэтому становится неяснымъ, почему капитанъ Архиповъ на стр. 205 говоритъ, что Каршинское бекство простирается на сѣверъ до Джама. Въ Гузарскомъ бекствѣ всего волостей 5, а въ Каршинскомъ 14. Въ данное время беками

состоять: въ Карши одинъ изъ подданныхъ эмира, а въ Гузарѣ—его родной братъ.

О военномъ устройствѣ и вооруженныхъ силахъ въ описываемомъ пространствѣ ничего сказать нельзя, ибо во все время поѣздки не довелось видѣть солдатъ и допросить о послѣднихъ что нибудь. Даже при посѣщеніи бека гузарскаго у послѣдняго во дворцѣ было выстроено десятокъ солдатъ, вооруженныхъ топориками, какими вооружены полицейскіе стараго Ташкента. Нужно полагать, что всѣ регулярные солдаты сосредоточены около города Бухары, а здѣсь имѣются лишь нукера, несущіе главнымъ образомъ полицейскую службу.

Постоянныя междоусобицы бековъ между собою и съ эмиромъ вызвали усиленную постройку укрѣплений въ ханствѣ; нѣкоторыя изъ нихъ разрушились почти совершенно, другія же поддерживаются по сіе время. Скорѣйшему разрушенію туземныхъ крѣпостей помогаетъ то обстоятельство, что въ большинствѣ случаевъ онѣ представляютъ собою лишь высокія глинобитныя стѣны. Въ обзорѣваемомъ участкѣ существуютъ два укрѣпленныхъ пункта: въ Гузарѣ и Карши.

Цитадель гузарская стоитъ на естественномъ холмѣ, омываемомъ р. Гузаръ-Дарьей, или ея арыками, что все вмѣстѣ представляетъ естественный водяной ровъ. Хотя въ немъ воды вообще мало, а часто и совсѣмъ не бываетъ, но сильное препятствіе онъ можетъ представить вслѣдствіе крутизны своихъ скатовъ и большой глубины. Глинобитныя стѣны высотой до 3—4 сажень. Описанное укрѣпленіе можетъ представить собою не малое затрудненіе для овладѣнія имъ, разъ непріятель будетъ упорно защищаться. Однако, при отсутствіи блиндированныхъ построекъ и тѣснотѣ внутри, бомбардированіе можетъ принести огромную услугу дѣлу овладѣнія цитаделью; отведеніе воды также не представитъ большаго затрудненія. *Карши* представляетъ изъ себя городъ, обнесенный стѣной и имѣющій цитадель; высота стѣнъ та же, что въ Гузарѣ. Цитадель, по своей обширности, не можетъ идти въ сравненіе съ гузарскою, ибо въ здѣшней размѣщены не только домъ эмира съ садомъ и губернаторскій, но еще есть мечеть и нѣсколько медресе. Такимъ образомъ гарнизонъ который, болѣе гузар-

скаго, будетъ имѣть укрытія отъ огня. Зато неимѣніе передѣ стѣнами цитадели такого рва, какъ въ Гузарѣ, значительно облегчитъ овладѣніе ею.

Существованіе желѣзной дороги отъ Мерва къ Чарджую и занятіе нашими войсками этого послѣдняго пункта и г. Карки слишкомъ измѣнило въ нашу пользу положеніе вещей не только въ отношеніи Бухары, но и Авганистана. Дѣйствительно, объ упорной оборонѣ столицы Бухарскаго ханства трудно теперь уже говорить, помня, что защищающая г. Бухару армія не имѣетъ пути отступленія. Возможно поэтому, что не смотря на всю важность этого города, какъ столицы и центра, въ которомъ сосредоточены чуть не всѣ средства обороны государства, его бросать и, пренебрегая даже тяжелымъ нравственнымъ впечатлѣніемъ на народъ, которое произведетъ занятіе непріателемъ Бухары, всѣ средства къ оборонѣ перенесутъ на востокъ ханства, гдѣ гористая мѣстность и болѣе свободолюбивое населеніе затрудняютъ окончательное подчиненіе этой части Бухары русской власти. Тогда-то приобрѣтутъ для насъ значеніе г. г. Карши и Гузаръ, представляя собою первый—центръ достаточно богатаго культурнаго оазиса и средоточіе путей отъ Бухары въ Шахризъбъ и въ Гузаръ и отъ Самарканда въ Бурдалыкъ, Карки и Келифъ, а второй, запирая собою западный выходъ изъ горной части, гдѣ по долинамъ рѣкъ сосредоточено значительное населеніе, а въ горахъ расположено богатое кочевое населеніе. Поэтому при дѣйствіяхъ нашихъ силъ въ гористой части ханства, главная операціонная линія отъ Самарканда пойдетъ на Джамъ и Карши, откуда уже, по мѣрѣ выясненія обстановки и развитія дѣйствій, направится въ долину Аму-Дарьи или р. Сурхаба. Для обезпеченія же нашихъ войскъ, дѣйствующихъ изъ Карши, продовольствіемъ, необходимо будетъ занять также Шахризъбское бекство, что въ значительной степени будетъ облегчено для главнаго отряда, если изъ Самарканда, черезъ Каратюбинскій переваль, будетъ высланъ хотя незначительный отрядъ, который-бы угрожалъ тылу войскъ, собранныхъ для защиты бекства со стороны Карши. По занятіи нами Шахризъбскаго и Каршинскаго бекствъ,

продовольствіе дѣйствующаго отряда будетъ обезпечено на нѣсколько мѣсяцевъ.

Предполагая, что войска будутъ двинуты изъ Самарканда для занятія сѣвернаго Авганистана, и Бухара будетъ въ союзѣ съ нами, придется всетаки прежде всего занять Карши и Шахриязбское бекство, чѣмъ мы обезпечимъ себя тылъ и на нѣсколько мѣсяцевъ продовольствіемъ. Разумѣется, при дальнѣйшемъ движеніи отряда, нужно оставить напр. въ Чимѣ, хотя баталіонъ, который-бы могъ, пользуясь своимъ центральнымъ положеніемъ относително Карши, Шаара и Гузара, появляться тамъ, гдѣ его присутствіе будетъ необходимо. Куда-бы главныя силы ни двинулись изъ Карши, на Карки, гдѣ переправа обезпечена присутствіемъ нашихъ войскъ, или на Келифъ, черезъ Гузаръ, по трудной горной дорогѣ, или по степной дорогѣ, гдѣ тяжело отзовется на войскахъ безводіе,—владѣніе Каршами, какъ центромъ большаго оазиса, всегда будетъ для насъ полезно. Что касается коммуникаціонной линіи отъ Самарканда, то она непремѣнно пойдетъ на Карши; а потому здѣсь, помимо устройства продовольственнаго магазина съ запасами мѣсяца на 2—2½, придется расположить и управленіе начальника тыла. Отъ устройства въ этомъ пунктѣ лечебнаго учрежденія придется отказаться, ибо Карши съ окрестностями не отличаются особенно здоровымъ климатомъ.

МАРШРУТЪ

колеснаго пути отъ Самарканда до Джама и вьючнаго отъ Джама черезъ Арабанды до Гузара.

Отъ г. Самарканда до кишл. Таръ-арыкъ. 25 вер. Мѣстность совершенно ровная; дорога часто пересѣкается арыками, черезъ кои имѣются мосты. Грунтъ, кромѣ шоссе на первыхъ шести верстахъ, лёсъ съ столь значительной примѣсью песку, что даже въ распутіе затрудненія къ движенію не будетъ. Начиная съ 8 версты, докуда путь лежитъ садами г. Самарканда, по обѣ стороны дороги все время тянутся сады и пашни, принадлежащія кишлакамъ, слѣдующимъ въ такомъ порядкѣ: на 9 верстѣ—Казакъ-*

Найманъ, на 12—Балхиянъ, на 14—Балакандасъ, на 17—Балталы, на 19—Арабъ-хана и на 25—Таръ-арыкъ. Кромѣ того, на 7 верстѣ находится нашъ старый лагерь, а въ концѣ 16, 18 и 25 верстѣ дорогу пересѣкаютъ большіе арыки, безъ мостовъ, Талы-гуламъ и Таръ-арыкъ и сухой сай, отъ котораго отдѣляется дорога въ кишл. Джума-базаръ, идущая первую версту по самому сѣ. По обѣ стороны дороги разбросаны насыпные курганы, изъ коихъ курганъ на 23 верстѣ обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что подлѣ него есть ключи, образующіе болотце Кудуклы-тепе. Бивуакъ и позиція на правомъ берегу Таръ-арыка; привалъ у Талы-гулама. Топлива, воды и корма достаточно.

Ур. Джамъ. 40 вер. Мѣстность до бугра Караулъ-тюбе ровная, отсюда гористая, причемъ по мѣрѣ приближенія къ Джаму спуски и подъемы становятся болѣе значительными. Первая 9 верстѣ дорогу пересѣкаютъ арыки съ крутыми и глубокими берегами; черезъ арыки имѣются мосты; на этомъ же 9 верстномъ пространствѣ вдоль дороги, тянутся пашни и сады окрестъ лежащихъ кишлаковъ. Грунтъ дороги по выходѣ въ степь, т. е. съ десятой версты, болѣе чистый лесъ; до Читъ-арыка же примѣсь песку къ лесу велика; отъ кишлака Анжирлика дорога камениста. Начиная отъ бугра Караулъ-тюбе, по ущельямъ горъ влѣво видны кишлаки Сарыколъ, Анжирликъ и Ибрагимъ-ата. Въ степи видны кишлаки, на 19 верстѣ, Ханъ-Чербагъ, вправо отъ дороги въ $\frac{1}{2}$ верстѣ, и на 27 влѣво отъ дороги, Дженичка. На 12 и 24 верстахъ дорогу пересѣкаютъ сухіе овраги; черезъ первый переброшенъ древней постройки каменный арочный мостъ, по которому ѣздятъ и теперь. Не доѣзжая $\frac{1}{2}$ версты этого моста, влѣво видны остатки стариннаго укрѣпленія. На 18, 20 и 22 вер по сторонамъ дороги 5 колодцевъ съ хорошей водою; при двухъ изъ нихъ растетъ по большому карагачу. На 29 и 30 вер., вправо, видно по холму. На 40 верстѣ, влѣво отъ дороги, кладбище. Отъ главнаго пути въ стороны отходятъ дороги: на 2 и 7 вер. въ Джума-базаръ, на 9 и 30 въ Аджиримъ, на 25 и 29 въ Сарыколъ и на 40 въ Шахризаябъ. Бивуакъ для отряда у Джамскаго булака; позиція на возвышенностяхъ на лѣвомъ берегу ручья; привалъ у колодцевъ близъ Ханъ-гербака; вода хорошего каче-

ства; глубина колодцевъ 12 саж.; топливо—сорные травы, которыхъ очень мало; кормовъ еще меньше, если съ весны не было дождей. Отъ горъ почти всегда дуетъ юго-восточный вѣтеръ, стихающій вечеромъ до утра, когда начинается дуть юго-западный вѣтерокъ.

Базарный день въ Джамъ—среда.

Сай Чимъ-Канчи (Чяльская мечеть) черезъ Умокай, Арабанды и Ханабандъ. 34 вер. До кишлака Арабанды дорога очень гориста; отсюда она идетъ мѣстностью волнистою, которая не представляетъ препятствій движенію. Дорогу пересѣкаетъ на 6 верстѣ ручей Умокай, обрывистые овраги на 7, 9 и 13 (Кара-кя-сай) вер. и сай на 16 (Мазарли), 20 (Ханабандъ) и 30 (Чимъ-Канчи). На 3 верстѣ отъ Джамскаго ручья стоитъ нашъ пограничный съ Бухарой столбъ. Отсюда начинается Бишъ-чапминская волость Чиракчинскаго бекства. По сторонамъ дороги сдѣланы заборы изъ дерна на 10, 11, 12, 15, 22 и 23 в. По всей дорогѣ отдѣляются отъ нея тропы, ведущія къ близлежащимъ колодцамъ. Грунтъ дороги первые 10 верстѣ довольно каменистъ, затѣмъ до конца перехода лесъ; по саямъ крупный песокъ и мелкая галька. Мѣсто бивуака у Чяльской мечети, гдѣ находятся позиція; приваль у Ханабанды; вода текущая въ ручѣ Умокай, а затѣмъ изъ колодцевъ, глубина коихъ по Чялю 10—15 арш., а до Чяля 25—45 и даже 50 арш.; по Мазарли-сайю есть колодцы съ горькой водой; топлива мало—кизель, кокра (колючка) и кузукъ-кулакъ; корму очень мало. Дующій съ утра легкій восточный вѣтеръ днемъ постепенно усиливается и мѣняетъ направленіе на западное; затихаетъ совершенно около 9 часовъ вечера. Не доходя 4 в. до мечети начинается Чяльская волость Чиракчинскаго бекства.

Сай Чимъ-Канчи (Чяльская мечеть). Черезъ Умокай, Шуръ-кудукъ, Мазарли-сай и Кумъ-кудукъ. 32 вер. Пройдена подпоручикомъ Крыжановскимъ.

Кишл. Чимъ (черезъ Чяль-кишлакъ, мимо Джеты-кудука и Арык-ачкана). 39 вер. Мѣстность до кишл. Джеты-кудукъ, т. е. на 15 первыхъ верстахъ, слегка волнистая; далѣе 6 верстѣ дорога совершенно ровная; слѣдующія 10 верстѣ, до кишл. Казахъ, дорога проходитъ хотя по ровной, но очень изрѣзанной арыками,

рытвинами, насыпями и проч. мѣстности и на этомъ пространствѣ потребуются значительныя исправленія; отъ кишлака Казакъ до Чима мѣстность ровная. Отсюда послѣднія 15 верстъ дорогу пересѣкають арыки, изъ коихъ на 4 имѣются мосты. Выѣздъ на крутой лѣвый берегъ Кашка-Дарьи у Чима потребуетъ также разработки. Грунтъ дороги—лесъ, съ малой примѣсью песку. По всей дорогѣ отъ нея отдѣляются вправо и влѣво тропы въ сосѣднія урочища, кишлакъ Кара-тепе, а также въ Карши, Шахризъбъ и Чиракчи. Дорога проходитъ черезъ и мимо кишлаковъ: на 5 верстъ—Чіаль, 15—Джеты-кудукъ, 24—Арыкъ-ачканъ, 28—Башъ-арыкъ-ачканъ и Читъ, 32—Казакъ, 34—Кулагъ-тепе, 36—Ніазы, 38—Кагаты-тепе. На 13 и 24 верстахъ имѣется по бугру, изъ коихъ черезъ первый проходитъ южная граница Чіальской волости; идя отъ этого бугра по дорогѣ къ югу, мы будемъ имѣть на западъ Каршинское и на востокъ Чиракчинское бекства. До 26 версты воду можно имѣть только изъ колодцевъ, глубина коихъ 15 — 25 и 30 аршинъ, они расположены группами на 3 и 4 верстахъ, на 8 верстъ, на 11 и на 15 у кишл. Джеты-кудукъ; далѣе же вода текучая изъ Кашка-Д. Топлива въ степи мало—кизякъ и трава, а въ культурной полосѣ кромѣ того есть деревья. Корму въ степи не много, а въ заселенной части имѣются солома, клеверъ и ячмень, но тоже въ ограниченномъ количествѣ. Бивуакъ и позиція по выходѣ изъ Чима къ югу, на базарной площади; кромѣ того войска можно поставить бивуакомъ между правымъ берегомъ Дарьи и кишл. Кагаты-тепе; привалъ на высотѣ Арыкъ-ачкана, пройдя $\frac{2}{3}$ пути. По средамъ въ Чимѣ базарный день.

Кишл. Чимъ (черезъ Токмаръ, Галакудукъ, Азларъ, Кара-тепе и Чимъ-куранъ). 43 вер. Пройдена подпоручикомъ Крыжановскимъ.

Г. Гузаръ. 26 вер. Мѣстность ровная; грунтъ—лесъ, съ незначительной примѣсью соли. Препятствія для движенія могутъ представить въ распутицу солонцеватый оврагъ Курла-арыкъ, на 5 верстъ, и солонецъ къ югу отъ кишл. Ярганчи; ширина послѣдняго отъ $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ версты; Гузаръ-Д., пересѣкающая путь на 16 и 20 верстахъ, представляетъ препятствіе движенію во время таянія снѣговъ въ горахъ, въ концѣ апрѣля и маѣ, когда

въ теченіе нѣсколькихъ дней она совершенно непроходима; ширина ея 35 саж. На 8 верстѣ по обѣ стороны дороги, а на 15 влѣво отъ дороги имѣются холмы; первые служатъ границей Гузарскаго и Каршинскаго бекствъ, а на послѣднемъ хоронятъ покойниковъ. Дорога проходитъ черезъ кишлаки: на 11 верстѣ—Ярганчи, на 16—Учъ-тепе, на 19—Занъ-тепе и на 21—Узунъ. Съ 25 вер. начинаются гузарскіе сады, въ которыхъ, при соединеніи чимской и янги-кентской дорогъ, мѣсто бивуака отряда; мѣсто привала у кишл. Учъ-тепе, на Гузаръ-Дарьѣ. Вода проточная. Топлива по дорогѣ въ изобиліи—янтакъ и кизякъ, а въ самомъ городѣ и дерево; корма по дорогѣ плохіе; въ Гузарѣ имѣется клеверъ и ячмень въ достаточномъ количествѣ. Базарные дни четвергъ и воскресенье.

МАРШРУТЪ

колеснаго пути отъ Самарканда до Джамы и вьючнаго отъ Джамы черезъ Шуръ-Кудукъ до Карши.

Отъ 1. Самарканда до кишл. Таръ-арыкъ 25 вер., до Джамы 40 вер., а до Беглямишъ (мечеть) 45 вер. До Умова дорога описана въ маршрутѣ № 1; отсюда 5 верстѣ еще она идетъ по очень гористой мѣстности и послѣ этого становится совершенно ровной на протяженіи 11 верстѣ, слѣдуя по урочищу Шуръ-кудукъ-саю; затѣмъ до самаго Беглямиша проходитъ по мѣстности волнистой, состоящей изъ ряда савъ или широкихъ долинъ съ пологими скатами. Грунтъ на всемъ пути лесъ съ примѣсью песку; иногда дорога покрыта мелкой галькой или крупнымъ пескомъ; до Шуръ-кудука же она довольно камениста. До южнаго конца Шуръ-кудука отъ дороги отдѣляются тропы въ близлежащіе кишлаки; начиная отсюда вплоть до Беглямиша, отходить 4 большія дороги на западъ въ Бухару и на востокъ въ Чиракчи и Шахризабъ, на 22 верстѣ арбяная, на 31, 36 и 41 верстахъ верблюжья. По саямъ Шуръ-кудукъ и Беглямишъ имѣются сырцевыя постройки для жилья. Подлѣ самой дороги стоятъ кладбища на 12, 22 и 42 верстахъ, а на 29, 30 и 31 верстахъ за-

гоны для барановъ. Кромѣ ручья Умокая, по пути воду можно имѣть изъ колодцевъ, стоящихъ группами; наибольшіе изъ нихъ по Шуръ-кудукъ, Тугай-бегъ и Чіальскому саямъ; на разстояніи 3 верстѣ, въ первомъ изъ нихъ болѣе 20 колодцевъ; хотя по Шуръ-кудуку есть много колодцевъ съ солоноватой водой, но воды хорошаго качества всетаки достаточно; глубина до воды по Шуръ-кудукъ-саю до 40—45—50 арш., а у Беглямиша 10—15 арш. На 31 верстѣ есть яма для стока дождевыхъ водъ, въ которую со ската близъ лежащей возвышенности проведенъ арыкъ. Топлива мало—визякъ и трава, кормовъ также почти нѣтъ. Бивуакъ по саю близъ мечети; позиція къ югу отъ нея, на возвышенностяхъ; привалъ у Шуръ-кудуевскихъ колодцевъ. По словамъ туземцевъ, въ хорошую погоду съ Джамскаго перевала довольно отчетливо видны горы Кунгуръ-тау.

Г. Карши. 43 вер. Первые 30 верстѣ дорога протекаетъ по мѣстности волнистой; затѣмъ 6 верстѣ горами Кунгуръ-тау, а послѣднія 7 верстѣ опять по совершенно ровной, причемъ въ 5 верстахъ отъ воротъ она входитъ въ городскіе сады. По спуску съ Кунгуръ-тауской гряды, дорога пересѣкается на 37 верстѣ Чить-ар., на 38 Ханъ-арыкомъ, на 39 и 40 арыками Гаданъ и Кара-хава и между ними 6 арыками, изъ коихъ особенно большіе Бульмасъ и Пулаты и, наконецъ, на 41 Кашка-дарьей. Хотя всѣ арыки глубоки, но Ханъ и Чить, въ добавокъ, съ очень крутыми берегами; черезъ всѣ арыки имѣются мосты, въ большинствѣ арчевые; мостъ черезъ Дарью древней постройки, на 9 каменныхъ устояхъ, съ кирпичными перилами; ширина моста 5 шаговъ, длина 60. Грунтъ всего пути лесъ съ примѣсью песку и только на 6 верстахъ по Кунчуръ-тау слегка каменистъ. На 1 верстѣ вдоль дороги кишл. Беглямишъ, на 28, въ 2 верстахъ къ западу отъ дороги, кишл. Узунъ-кудукъ, а на 42 в., по переѣздѣ моста черезъ Дарью, влѣво отъ дороги, на лѣвомъ берегу Чербагъ, садъ эмира съ домомъ Къ сѣв.-западу отъ моста черезъ Кашка-Дарью, верстахъ въ 10 отъ него по прямому направленію, виднѣется огромный бугоръ Иса-ханъ-тепе, а къ западу отъ дороги, въ городскихъ садахъ, есть еще два бугра Янги-тепе и Пиранъ, Кромѣ мелкихъ тропъ, съ изслѣдуемой дорогой сходятся дороги:

на 10 верстѣ изъ Бегламиша же, на 19 изъ Айритама, на 22 и 28 изъ Ниеуса, на 37, передъ мостомъ черезъ Читъ-арыкъ, изъ Кермине, на 38 и 41, передъ мостами черезъ Ханъ - арыкъ и Кашка-Дарью, изъ Бухары. Текучая вода встрѣчается за 7 верстъ до Карши и то только въ полую воду лѣтомъ же Кашка-дарья почти всегда суха, почему воду можно имѣть лишь изъ колодцевъ, подобно тому какъ и въ степи, гдѣ группы и отдѣльные колодцы встрѣчаются на 5, 6, 8, 14, 26 и 39 верстахъ; послѣдній колодезь при входѣ въ городскія сады. Глубина колодцевъ на всемъ пути почти одинакова, а именно около 15 аршинъ. Топлива въ степи мало—янтакъ и кизякъ; въ Карши же есть еще дрова; корму въ степи не много, въ Карши имѣется ячмень и клеверъ въ большомъ количествѣ. Бивуакъ отряда въ садахъ, на одномъ изъ береговъ Дарьи; привалъ на высотѣ вишл. Узунъ-кудука, гдѣ 7 колодцевъ. Базарные дни въ Карши—среда и суббота.

Свойство дорогъ между Самаркандомъ и Гузаромъ.

Между Самаркандомъ и Гузаромъ, черезъ Джамъ и Чимъ, существуетъ въ данное время кратчайшій путь, который въ предѣлахъ Россійской имперіи представляетъ собою колесную дорогу, а въ бухарскихъ владѣніяхъ вычную тропу, движеніе по которой, однако, не представитъ затрудненій для колеснаго обоза при самой незначительной разработкѣ. Позволительно сказать даже больше: въ мѣру нагруженныхъ арбы, при хорошей погодѣ и съ неистомленными лошадьми, и теперь въ состояніи проходить между Джамомъ и Гузаромъ безъ особыхъ затрудненій ¹⁾. Кромѣ этого прямого пути, между Самаркандомъ и Гузаромъ есть болѣе кружный, но за то совершенно доступный для движенія колеснаго обоза путь, а именно черезъ Джума-базаръ, Аджиримъ, Карши и Янги-Кентъ, по которому всецѣло нынѣ идетъ арбяное

¹⁾ Подтвержденіе этому можно видѣть въ арбяныхъ колеяхъ, сохранившихся съ достаточною ясностью въ нѣкоторыхъ мѣстахъ между Чимомъ и Гузаромъ. По словамъ бухарцевъ, онѣ пробиты арбами, ѣздившими изъ Гузара въ Самаркандъ, когда послѣдній не былъ занятъ русскими и приходилось перевозить между названными пунктами на арбахъ гаремы бековъ и другихъ властей, а также сарбазовъ.

движеніе. Между Самаркандомъ и Карши, черезъ Джамъ и Беглямышъ, пролегаетъ еще путь, по которому арбы не ходятъ въ настоящее время потому только, что на пространствѣ между Анжирикомъ и Шуръ-Кудукомъ онъ представляетъ нѣкоторое для нихъ затрудненіе по каменистости грунта и по крутизнамъ подъёмовъ и спусковъ. Однако и по этой дорогѣ, безъ всякой даже разработки, въ мѣру нагруженные арбы, при хорошихъ лошадахъ, въ состояніи пройти во всякое время года.

Вьючные пути. 1) *Отъ Джама до Гузара* путь не представляетъ собою одной вьючной тропы на всемъ протяженіи; напротивъ, между Джамомъ и Чимомъ дорога состоитъ изъ двухъ тропъ, которыя въ Чіялѣ и Чимѣ сходятся. Отдаленіе одной тропы отъ другой до Чіяля не превосходитъ 4—6 верстъ, а далѣе у Карабега, достигаетъ 18 верстъ, считая по большой дорогѣ. *Общее направленіе* обѣихъ тропъ идетъ все время съ сѣвера на югъ, съ незначительными отклоненіями отъ меридіана, что вызывается гористой мѣстностью, по которой дорога пролегаетъ сначала, а также расположеніемъ колодцевъ и теченіемъ р. р. Кашка и Гузаръ-Дарьи.

Длина этого пути, при слѣдованіи на Чіяль, Арыкъ-ачеакъ и Чимъ, 97 верстъ и 101 верста черезъ Чіяль, Кара-тепе, Чимъ-курганъ, Кара-бекъ и Чимъ. При этомъ отъ текучей и до текучей воды, т. е. отъ Умокая до Кашка-Дарьи 56 и 49 верстъ.

Ширина обѣихъ дорогъ, состоящихъ изъ ряда хорошо пробитыхъ тропъ, не представитъ препятствія къ движенію артиллеріи и обоза. Если потребуется разработка пути, такъ это вслѣдствіе *рельефа* мѣстности, по которой онъ идетъ и которая отъ Джама до Арабанды и Шуръ-кудука должна быть названа гористою, далѣе до Чима—холмистою, а отсюда до Гузара почти ровною. Въ гористой части, разумѣется, потребуются наиболѣе усилій для разработки пути, при чемъ надъ спусками со стороны Джама къ ручью Умокаю и урочищу Шуръ-кудукъ, на подъемъ отъ Умокаю, а также надъ дальнѣйшею частью пути къ Шуръ-кудуку и Арабанды придется поработать, что объясняется, помимо крутизны скатовъ, нѣкоторою каменистостью грунта на этомъ пространствѣ. На дальнѣйшемъ пути до Гузара работы по улучшенію

нію пути будуть заключаться, главнымъ образомъ, въ устройствѣ новыхъ мостовъ черезъ арыки и овраги и въ уширеніи существующихъ, кои рассчитаны только для вьючнаго движенія; на разработку самой дороги и спусковъ и подъёмовъ на ней придётся потратить самыя незначительныя усилія у Хана-бенда, Чіальскаго кладбища, Арыкъ-ачкана, между Читъ-арыкомъ и кишлакомъ Казахъ, а также у выѣзда въ Чимъ, на высокій и обрывистый лѣвый берегъ Кашка-Дарьи. Относительно устройства мостовъ слѣдуетъ замѣтить, что постройка ихъ черезъ арыки не встрѣтитъ затрудненія, ибо гдѣ проведена вода, тамъ есть и лѣсъ на мосты; чтобъ дѣлать мосты черезъ овраги, лѣсъ придется возить изъ далека. Хотя Кашка и Гузаръ-Дарья въ періодъ весенняго таянія снѣговъ представляютъ изъ себя подчасъ непреодолимые бурные потоки, переѣздъ черезъ которые невозможенъ, однако, отъ постройки черезъ нихъ мостовъ придется отказаться, ибо мосты должны быть очень основательны и не вездѣ на мѣстѣ найдется для нихъ матеріалъ, а время безусловнаго перерыва сообщенія черезъ тѣ рѣки слишкомъ кратко. Чтобы исчерпать вопросъ о рельефѣ вьючнаго пути остается сказать, что онъ протекаетъ по мѣстности, представляющей собой рядъ лощинъ, которыя образуютъ продолженіе ущелій горъ, лежащихъ къ сѣверо-востоку. Во время таянія снѣговъ въ горахъ и въ періодъ весеннихъ и осеннихъ дождей, по этимъ лощинамъ несется масса воды, которая иногда можетъ задержать движеніе и на столько растворяетъ всегда почву, что затруднить движеніе артиллеріи и обоза.

Грунтъ вьючныхъ тропъ на всемъ протяженіи тотъ-же, что и во всемъ Туркестанѣ, т. е. лесъ. Только въ широкихъ лощинахъ, какъ напримѣръ въ Хана-бендской, Чіальской и друг., дно послѣднихъ покрыто крупнымъ пескомъ, принесеннымъ внешними водами съ горъ. Да между урочищемъ Шуръ-кудукъ и Джамомъ, гдѣ дорога идетъ горами, путь мѣстами каменистъ, вслѣдствіе выступовъ изъ-подъ верхняго наноснаго слоя основныхъ каменныхъ породъ Гиссарскаго хребта. Затѣмъ южнѣ Чима какъ для колеснаго, такъ и верховаго движенія во время дождей и таянія снѣговъ представитъ затрудненіе солонецъ, находящійся за киш-

лакомъ Ярганчи. Однако солонецъ не слишкомъ великъ и объѣздъ его вполне возможенъ.

Въ *ориентировочныхъ пунктахъ* на изслѣдуемомъ пути недостатка нѣтъ. Не говоря о жилыхъ мѣстахъ, рѣкахъ, арыкахъ, буграхъ, кладбищахъ и другихъ ориентировочныхъ предметахъ, даже сама мѣстность зачастую способствуетъ опознаванію, гдѣ находишься.

Послѣднее обстоятельство указываетъ, что *мѣстность по сторонамъ дорогъ* далеко не открытая, что можно видѣть изъ предлагаемаго маршрута. Только на пути отъ Чима го Гузара горизонтъ расширяется и съ лошади по сторонамъ видно иногда на десятковъ верстъ.

Мѣста ночлеговъ и приваловъ для войскъ опредѣляются мѣстомъ расположенія колодцевъ, кои, хотя и вырыты во впадинахъ, лощинахъ или при скатахъ, но всѣ эти складки мѣстности не настолько значительны, чтобъ предоставить защиту людямъ отъ холодныхъ зимнихъ вѣтровъ. Въ виду установившагося обычая не размѣщать войска по кишлакамъ, отъ зимнихъ непогодъ, люди защиты на всемъ пути не будутъ имѣть, если не считать джамскаго и кара-тепинскаго базаровъ, въ которыхъ, кромѣ базарныхъ дней среды и понедѣльника, лавки пусты.

Гдѣ нѣтъ текучей воды на пути, т. е. отъ Умокая до Кашка-Дарьи, тамъ встрѣчается много колодцевъ съ хорошей водой. Глубина колодцевъ различна: на Чіалѣ 10—15 аршинъ, а чѣмъ ближе къ Умокаю, тѣмъ они глубже, причемъ отъ 25 аршинъ постепенно достигаютъ до 40 и даже 50 аршинъ на Шуръ-бугѣ: всѣ колодцы настолько обильны водою, что почти каждый изъ нихъ въ отдѣльности въ сутки можетъ дать воды для 1.000—2.000 барановъ. А такъ какъ большинство колодцевъ расположено, въ добавокъ, группами, то можно считать, что даже сравнительно большіе отряды, при движеніи по этому пути, не встрѣтятъ недостатка въ водѣ. Затрудненіе можетъ встрѣтиться въ томъ, что во всѣхъ видѣнныхъ колодцахъ нѣтъ срубовъ, а потому стѣнки легко обсыпаются при невнимательномъ вычерпываніи воды. Не говоря о томъ, что вода при этомъ станетъ мутной и почти негодной къ употребленію безъ отстоя, са-

мый колодезь легко можетъ засыпаться настолько, что изъ него, впредь до очистки его, нельзя будетъ совѣмъ получать воду.

*Топливо*мъ на всемъ пути служатъ степныя травы, а также кизякъ. Можно еще имѣть на топливо дрова, но лишь подходя къ Кашка-Дарьѣ, гдѣ въ кизякахъ существуетъ древесная растительность, хотя и въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Нѣсколько больше древесныхъ насаждений войска найдутъ въ самомъ Гузарѣ. Между степными травами для топлива слѣдуетъ называть: янтакъ, какра (колючка), бруганъ и кузукъ - кулакъ. Янтакъ растетъ болѣе всего по ту сторону Кашка-Дарьи, гдѣ запасы его на зиму дѣлаются жителями въ большихъ размѣрахъ; въ значительномъ количествѣ онъ растетъ по Чияльскому саяу. Затѣмъ по всей степи растетъ бруганъ (изъ него дѣлаютъ также вѣнники), какра (растетъ круглыми кустами, которые сильнымъ вѣтромъ отрываются отъ корня и носятя по степи), кузукъ-кулакъ и джиджакъ. Всѣ названныя травы хороши для костровъ только въ сухомъ видѣ. На топливо идетъ еще стебель и толстый корень травы шебакъ; корень ея горитъ ярко и даетъ сильный жаръ.

Нѣкоторыя изъ названныхъ степныхъ травъ, прежде чѣмъ поступить въ костеръ, служатъ *кормомъ* для скота. Дѣйствительно, янтакъ объѣдаютъ предварительно зимою верблюды и частью бараны и козлы; ишаки, лошади и рогатый скотъ янтака не ѣдятъ. Также поѣдаются скотомъ листки шебака (растетъ на ровныхъ мѣстахъ) и джиджака (ѣдятъ козлы, бараны и лошади), прежде чѣмъ стебли ихъ пойдутъ на топливо. Затѣмъ кормомъ скоту служатъ травы: шура, растущая болѣею частью на пашняхъ и по виду схожая съ бруганомъ, и аджиримъ, растущій на черноземныхъ мѣстахъ и на пашняхъ, у воды; онъ имѣетъ листь длинный, узкій, зеленый. Это наиболѣе любимая скотомъ трава и онъ ѣстъ не только его листь и стебель, но и корень, который выкапываютъ нарочно для корма всякаго скота.

Переименованныя травы принадлежатъ къ болѣе крупнымъ и ихъ всегда можно найти въ степи. Весною же степь покрывается мелкими травами всѣхъ сортовъ, весьма любимыми скотомъ, но корни ихъ сидятъ не глубоко въ землѣ, а пототу въ маѣ и началѣ іюня палящее солнце ихъ сжигаетъ.

2) *Отъ Джама до Карши*, черезъ Шуръ-кудукъ и Беглямышъ, дорога представляетъ изъ себя выючную тропу, общее направленіе которой юго-западное а, длина 86 верстъ. По колодцамъ путь проходитъ на разстояніи 81 версты. *Ширина* дороги вездѣ достаточна для движенія по ней обозовъ и артилеріи; уширеніе ея нужно будетъ произвести лишь счетомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Если къ сказанному о *рельефѣ* мѣстности предыдущаго пути прибавить, что отъ Шуръ-кудука дорога идетъ мѣстностью слегка волнистою вплоть до горъ Кунгуръ-тау, которыя, представляя собою довольно высокую горную гряду, не дѣлають препятствія для колеснаго движенія, вслѣдствіе удачнаго выбора направленія черезъ нихъ дороги, то вопросъ о *рельефѣ* мѣстности разсматриваемаго выючнаго пути будетъ исчерпанъ.

Все, что сказано было при обзорѣ пути до Гузара о *грунтѣ* дороги, *ориентировочныхъ пунктахъ* и *мѣстности по сторонамъ* дороги, *мѣстахъ для ночлеговъ и приваловъ*, о *водѣ, топливѣ* и *кормѣ*, имѣющихся по пути, относится и до описываемаго пути. Нужно только замѣтить, что, начиная отъ Шуръ-кудука вплоть до Кунгуръ-тау, мѣстность по сторонамъ дороги значительно открытѣе, нежели у предыдущаго пути.

Арбяной путь. Отъ Самарканда до Гузара, черезъ Джума-Гузаръ, Аджиримъ, Айритамаъ, Карши и Янги-кентъ, дорога имѣетъ *направленіе*: до Джума-базара—западное, далѣе до Аджирима—юго-западное, отсюда до Карши юго-юго-западное и, наконецъ, до Гузара—юго-восточное.

Длина всего этого пути равняется 154 верстамъ, изъ коихъ 36 верстъ, до Читъ-арыка, она пролегаетъ по культурной мѣстности, а далѣе до самаго Карши степью.

Ширина дороги въ настоящемъ ея видѣ вполне достаточна для колеснаго движенія на всемъ своемъ протяженіи. Послѣднему обстоятельству не препятствуетъ и *рельефъ* мѣстности, такъ какъ она, по мѣрѣ удаленія на западъ отъ меридіана Джамъ-Гузаръ, становится менѣе волнистой и неровной. Подъемы и спуски на этомъ пути настолько пологи, что не потребуютъ почти никакихъ работъ на свою разработку. Только мосты и спуски

къ нимъ на пространствѣ между Джума-базаромъ и кишл. Кумъ потребуютъ серьезной работы, такъ какъ въ настоящее время спуски къ мостамъ весьма круты, а самые мосты недостаточно прочны и широки. То же слѣдуетъ сказать о мостахъ на пути между Карши и Гузаромъ, гдѣ они удовлетворяютъ движенію лишь потому, что оно совершается нынѣ главнымъ образомъ вьючнымъ способомъ.

Грунтъ дороги до Джума-базара и далѣе по культурной полосѣ, орошаемой водами р. Зеравшана, лесъ съ значительной примѣсью песку; по степи тотъ же лесъ, но съ меньшимъ количествомъ песку, по саямъ дорога покрыта крупнымъ пескомъ; въ районѣ горъ Кунгуръ-тау—камениста.

Сказанное объ ориентировочныхъ пунктахъ, общемъ характерѣ станцій, о водѣ, топливѣ и кормѣ на предыдущихъ путяхъ должно распространить и на эту дорогу; относительно же характера мѣстности по сторонамъ дороги нужно сказать, что она вообще довольно открытая и только приближаясь къ широтѣ Джама становится волнистой и болѣе закрытой.

.

МАРШРУТЪ

колеснаго пути отъ Самарканда до Джамы и вьючнаго отъ Джамы до Гузара.

Области или боекта.		Уѣзда или во- лости.		Названіе станцій.	Число верстѣ.	Области или боекта.		Уѣзда или во- лости.		Названіе станцій.	Число верстѣ.
Самаркандской.	Самарканд- ского.	Каттукурган- ского.	Чирчинской.	г. Самаркандъ.		Самаркандской.	Самарканд- ского.	Каттукурган- ского.	Чирчинской.	г. Самаркандъ.	
				Кишл. Таръ-арыкъ.	25					Кишл. Таръ-арыкъ.	25
	Каршинского.	Чимской.	Ур. Джамъ	40	Каршинского.		Чимской.	Ур. Джамъ	40		
			Сай - Чимъ - Канчи (черезъ Умокай, Арабанди и Хана- бандъ)	34				Сай - Чимъ - Канчи (черезъ Умокай, Шуръ-Будукъ) . .	32		
Гузарского.	Чимской.	Кишл. Чимъ (черезъ Чияль кишл. мимо Джетн - Кудука и Арыкъ-ачкана) .	39	Чимской.	Кишл. Чимъ (черезъ Токмаръ, Гала- Кудукъ, Азларъ, Каратепе и Чимъ- Курганъ)	43					
		г. Гузаръ	26		г. Гузаръ	26					
	Итого верстѣ .		164	Итого верстѣ . .		166					

МАРШРУТЪ
колеснаго пути отъ Самарканда до Гузара.

Области или бекства.		Узда или вост.	Название станцій.	Число верстъ.	Примѣчаніе.
Самаркандской.	Самаркандской.	Самаркандской.	г. Самаркандъ.		
	Каттакурганской.	Каттакурганской.	Кишл. Джума-Лазаръ	27	
Чирчикской.	Чирчикской.	Чирчикской.	» Аджиримъ	23	
	Баш-чашминской.	Баш-чашминской.	» Айритами	35	
Каршинской.	Каршинской.	Каршинской.	» Алачи-бабъ-сай	35	
	Ханабадской.	Ханабадской.	г. Карши	32	
Ханабадской.	Ханабадской.	Ханабадской.	Кишл. Янги-кентъ	23	
	Ханабадской.	Ханабадской.	г. Гузаръ	21	
Итого верстъ . . .				196	

МАРШРУТЪ

колеснаго пути отъ Самарканда до Джама и вьючнаго отъ Джама до Карши.

Области или бекства.		Название станцій.	Число верстъ.	Примѣчаніе.
Самаркандской.	Уѣзда или во- лости.			
Самарканд- скаго.	Самарканд- скаго.	г. Самаркандъ.		
	Каттакурган- скаго.	Кишл. Таръ-арыкъ	25	
		Уроч. Джамаъ.	40	
Чиракчи- скаго.	Чіальской.	» Беглямишъ (мечеть)	45	
Каршинскаго.		г. Карши	43	
Итого верстъ . . .			153	